2367
прив. 1948 г.
8625 гр. К.

А. М. Гуляевъ.

ЕДИНСТВО ГРАЖДАНСКАГО ПРАВА И ПРОЕКТЪ ГРАЖДАНСКАГО УЛОЖЕНІЯ.

СПбГУ

ЮРИ
КА
В.

КІЕВЪ.
1903.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 12-го Сентября 1903 года.

Оттискъ изъ №№ 272, 274, 276, 280, 282, 285, 290, 292, 295 и 297 „Кіевлянина“ за 1903 г.

СПбГУ

Тип. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К, въ Кіевѣ.

Τὰ μὲν αεὶ καὶ ὡσαύτως ἔχοντα νόμων οὐ δεῖται ποι κείλων. Nov.98 praef.

I.

XIX вѣкъ былъ вѣкомъ великихъ кодификацій Западной Европы. Въ 1804 году законченъ французскій кодексъ—Code civil des Français, послѣдовательно, съ измѣненіемъ политическаго строя Франціи, именовавшійся Code Napoléon и Code Civil. Въ 1811 г. обнародовано австрійское гражданское уложеніе—Das allgemeine bürgerliche Gesetzbuch für das Kaiserthum Oesterreich. Объединеніе Италіи повело къ созданію гражданскаго кодекса, вступившаго въ силу съ 1 января 1866 г. для всего королевства. Политическія условія жизни разрозненныхъ частей Германіи не могли привести къ созда-

нію общаго гражданскаго кодекса, но каждое изъ крупныхъ государствъ Германіи жило по своимъ гражданскимъ законамъ; впрочемъ, лишь только Германія вышла изъ хаотическаго состоянія своей разрозненности, составленіе общаго для всей имперіи гражданскаго уложенія оказалось необходимымъ, и уже въ 1874 году назначена была комиссія; съ 1 января 1900 г. въ Германіи дѣйствуетъ Das bürgerliche Gesetzbuch für das Deutsche Reich.

Такимъ образомъ, четыре великія державы западно-европейскаго континента стремились къ разрѣшенію каждая для себя одной и той-же задачи— дать исчерпывающее изложеніе всего гражданскаго законодательства страны. Эти стремленія не остались безъ подражанія со стороны второстепенныхъ государствъ западной Европы. Вездѣ кодификація преслѣдовала одну цѣль— не столько обновить, сколько прежде всего объединить гражданское законодательство страны. Конечно, объедине-

нію сопутствовали реформы, и кодифицированные законы не совпадали, да и не могли совпадать, съ тѣмъ законодательнымъ матеріаломъ, какой существовалъ до кодификаціи. Изъ всего разнообразія нормъ гражданскаго права нужно было выбрать и остановиться на тѣхъ, которыя соотвѣтствовали-бы общему строю жизни, измѣненному и обновленному великими событіями. Объединеніе политическое вездѣ предшествовало унификаціи гражданскаго закона, которая являлась завершеніемъ процесса сплоченія государственныхъ элементовъ: въ единствѣ гражданскаго закона—залогъ единообразнаго развитія экономическихъ отношеній, политической сплоченности, государственнаго сознанія. Поучительна съ этой точки зрѣнія исторія объединенія германскаго гражданскаго законодательства, завершившаяся на нашихъ глазахъ изданіемъ гражданскаго уложенія для новой Германской имперіи. Отсутствіе единой законодательной

власти въ Германіи привело къ угнетенію національнаго сознанія и къ тому безпримѣрному въ исторіи другихъ народовъ явленію, которое извѣстно подъ названіемъ рецепціи (усвоенія) римскаго права. На почвѣ изученія и толкованія источниковъ чужого права образовался классъ юристовъ, окружавшихъ свои познанія таинственностью. Почти каждый вопросъ толковался учеными юристами различно, что вовсе не содѣйствовало единообразію правосознанія, а между тѣмъ рецепированное чужое право разсматривалось какъ общее право (gemeines Recht). Въ XVIII вѣкѣ обнаруживается стремленіе эмансипироваться отъ „общаго права". Въ Пруссіи это достигнуто было изданіемъ Allgemeines Landrecht für die preussischen Staaten, въ Прирейнскихъ частяхъ Германіи рецепированъ въ началѣ XIX в. Code Napoléon, въ Саксоніи въ 1863 г. издано свое гражданское уложеніе. Съ окончаніемъ войны за освобожденіе въ гер-

манскихъ государствахъ пробуждается національное сознаніе, проявляющееся въ теоретическихъ мечтаніяхъ, не встрѣчающихъ одобренія со стороны правительствъ. Въ области гражданскаго права эти мечтанія оставили свой слѣдъ въ формѣ извѣстной полемики Тибо и Савиньи. Принципіальнаго разногласія между обоими учеными не было, споръ между ними сводился лишь къ вопросу о возможности и желательности созданія общаго для Германіи гражданскаго закона въ ихъ время. Политическое положеніе германскихъ государствъ не представляло условій для торжества національнаго сознанія въ области законодательства, и только съ образованіемъ сѣверогерманскаго союза до нѣкоторой степени разрѣшается задача созданія единообразныхъ законовъ путемъ обнародованія ихъ отдѣльными правительствами. Такъ возникли общее вексельное и торговое право, какъ составныя части гражданскаго права. Только по закону 20 де-

кабря 1873 г. на имперское правительство возлагается забота о созданіи общаго гражданскаго уложенія для всей Германіи. Инціатива этого закона принадлежала народному представительству. Съ возсозданіемъ имперіи устранены тѣ препятствія, которыя доселѣ мѣшали объединенію Германіи на почвѣ гражданскаго права. Правда, новое уложеніе не упразднило вовсе партикулярныхъ законовъ, и въ законѣ о введеніи уложенія существуетъ цѣлый перечень нормъ, не отмѣняемыхъ уложеніемъ; но эти остатки германскаго партикуляризма остаются въ силѣ въ той мѣрѣ, въ какой они допускаются уложеніемъ, которое такимъ образомъ является главнымъ и основнымъ гражданскимъ закономъ. Ни для кого не было сомнѣнія въ томъ, что съ достиженіемъ политическаго единства необходимо должно наступить и объединеніе въ области гражданскаго права. По этому поводу историкъ кодификаціи германскаго права К. Шварцъ

СПбГУ

замѣчаетъ: „единство гражданскаго закона до такой степени является коррелатомъ единства политическаго, что для всякаго мыслящаго человѣка доказывать это положеніе было-бы равносильно доказыванію справедливости того положенія, что дважды два—четыре". Во избѣжаніе недоразумѣній, могущихъ возникнуть по поводу сказаннаго о томъ, что германское уложеніе не устранило окончательно партикуляризмовъ, слѣдуетъ обратиться къ закону о приведеніи въ дѣйствіе гражданскаго уложенія (Einführungsgesetz), гдѣ въ статьяхъ 56—152 дается точный перечень тѣхъ партикулярныхъ нормъ, примѣненіе которыхъ не устраняется уложеніемъ. Самая точность этого перечня ручается за стремленіе законодателя указываемыми изъятіями оттѣнить торжество общаго закона; и дѣйствительно, изъятія отличаются въ большинствѣ случаевъ временнымъ характеромъ, они призваны, съ одной стороны, къ восполненію тѣхъ пробѣловъ

въ кодификаціи, для которыхъ еще не выработаны имперскимъ законодательствомъ соотвѣтствующія общія нормы, а съ другой стороны, они сохраняютъ въ силѣ тѣ отношенія, которыя возникли изъ договоровъ отдѣльныхъ германскихъ государствъ, вошедшихъ въ составъ имперіи, съ государствами чужестранными: очевидно, что съ теченіемъ времени изъятія этого рода обречены на вымираніе. Независимо отъ сего остаются въ силѣ такія партикулярныя нормы, которыя объясняются этнографическими и топографическими причинами или которыя проникнуты публичнымъ характеромъ. Устранить эти партикуляризмы едва-ли будетъ когда либо возможно; но эти партикуляризмы имѣютъ совершенно второстепенное значеніе, и въ настоящее время съ начала XX вѣка Германія имѣетъ то, къ чему направлено было въ XIX вѣкѣ національное сознаніе: общность политическую и объединяющее всю имперію общее гражданское уложеніе.

Комиссія выполнила свою программу, намѣченную еще въ 1874 году, въ теченіе четырнадцати лѣтъ. Выработанный въ 1888 г. проектъ подвергся критикѣ, и измѣненная его редакція принята была рейхстагомъ 1 іюля 1896 г. Опубликованіе уложенія послѣдовало 18 августа 1896 г. съ назначеніемъ 1 января 1900 года начальнымъ срокомъ дѣйствія новаго закона. Проведеніе законопроекта потребовало значительнаго періода времени: проекту пришлось выдержать пробу не только литературной критики, но и парламентской процедуры. Вышедшіе ранѣе гражданскіе кодексы—французскій, австрійскій, италіанскій—не встрѣтили на пути своего превращенія изъ проектовъ въ законы тѣхъ затрудненій, какія созданы были нѣмецкому законопроекту германскимъ парламентскимъ режимомъ. Но одушевлявшее всю Германію стремленіе къ единству увѣнчалось монументальнымъ законодательнымъ памятникомъ—гражданскимъ уло-

женіемъ Германской имперіи, единымъ гражданскимъ закономъ, дѣйствующимъ на всемъ пространствѣ объединенной Германіи.

СПбГУ

II.

Исторія созданія важнѣйшихъ гражданскихъ кодексовъ Западной Европы очень поучительна, давая полезныя указанія для оцѣнки законченнаго нынѣ нашего проекта гражданскаго уложенія. Изданіемъ нашего проекта заканчивается болѣе чѣмъ двухвѣковая исторія попытокъ кодификаціи. Ни одна изъ многочисленныхъ законодательныхъ комиссій не дала такого законченнаго результата своей дѣятельности, какъ Высочайше учрежденная редакціонная комиссія по составленію гражданскаго уложенія. Нигдѣ законодательнымъ комиссіямъ не приходилось работать при такихъ благопріятныхъ, въ смыслѣ превращенія проекта въ законъ, условіяхъ, какъ нашей редакціонной комиссіи: единство правительственной власти, отсутствіе политическихъ партій, почти полное отсутствіе литературной критики не могутъ не считаться, по сравненію съ

Западной Европой, такими условіями, при наличности которыхъ нашему проекту обезпечено было-бы скорое утвержденіе и примѣненіе къ жизни. Позволительно, однако, остановиться на вопросѣ, было-ли бы цѣлесообразнымъ и желательнымъ превращеніе проекта уложенія въ законъ? Постановка этого вопроса въ печати находитъ свое оправданіе въ п. 9 Высочайшаго повелѣнія объ общемъ пересмотрѣ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и о составленіи проекта гражданскаго уложенія (Собр. узак. и расп. Прав. 8 іюня 1882 г. № 55 ст. 361), который предписываетъ: „Работы редакціонной комиссіи отпечатать для общаго свѣдѣнія и разослать на заключеніе тѣхъ лицъ и учрежденій, мнѣнія коихъ признано будетъ нужнымъ имѣть въ виду“... Кодификаціонныя работы вступили у насъ на правильный путь лишь съ начала царствованія Императора Николая I. Обширные планы Екатерины II не увѣнчались успѣхомъ; не

привели къ осязательнымъ результатамъ и реформаторскіе опыты первой половины царствованія Александра I, когда на мѣсто исторически сложившагося законодательства хотѣли поставить созданіе теоретическаго творчества. Съ 1700 г. въ дѣлѣ приведенія нашихъ законовъ въ порядокъ обнаружилось два теченія: первое выражалось въ томъ, что достаточнымъ считали ограничиться болѣе скромной задачей—составить уложеніе законовъ сводное, т. е. свести воедино всѣ законы дѣйствующіе, съ исключеніемъ всего недѣйствующаго, но безъ всякихъ измѣненій въ существѣ ихъ; сложнѣе была та задача, къ разрѣшенію которой сдѣланы были попытки, относящіяся ко второму теченію—къ желанію создать уложеніе дѣйствующихъ законовъ съ дополненіемъ и исправленіемъ. Неудачи, неизмѣнно постигавшія планы второго рода, заставили Императора Николая I избрать первую систему, т. е. составить сводъ законовъ безъ вся-

СПбГУ

кихъ измѣненій. Опираясь на авторитетъ Бэкона, Сперанскій приступилъ къ составленію свода дѣйствовавшихъ въ его время законовъ. Въ „Обозрѣніи историческихъ свѣдѣній о сводѣ законовъ“ читаемъ: „Бэконъ полагаетъ составить два свода, одинъ изъ такъ-называемаго въ Англіи закона общаго (Common Law), а другой изъ статутовъ. У насъ нѣтъ сего различія; но есть законы, дѣйствующіе вообще во всемъ пространствѣ Имперіи, и есть законы мѣстные, особенные, коихъ дѣйствіе допускается только въ нѣкоторыхъ областяхъ ея. Посему положено въ общемъ сводѣ соединить всѣ законы перваго рода, а законы второго рода, разобравъ, соединить въ двухъ сводахъ особенныхъ: одинъ для губерній Западныхъ, другой—для Остзейскихъ“. Выдѣленіе мѣстныхъ законовъ въ особые своды было послѣдовательнымъ примѣненіемъ идеи о томъ, что „сводъ законовъ ничего не измѣняетъ въ силѣ ихъ и дѣйствіи, но приводитъ

ихъ только въ единообразіе и порядокъ" (Манифестъ 31 января 1833 г.). Но и самъ составитель свода законовъ не смотрѣлъ на свой трудъ, какъ на окончательное разрѣшеніе задачи, которое онъ видѣлъ все-же въ составленіи уложенія; но эта задача отлагалась на будущее время (Архивъ Калачова 1859 г. кн. 2).

Со времени вступленія свода законовъ въ дѣйствіе протекло уже семьдесятъ лѣтъ. Выработанная Сперанскимъ система свода остается неизмѣненной. Постоянно накопляющійся законодательный матеріалъ находитъ себѣ мѣсто въ продолженіяхъ свода, откуда затѣмъ, при переработкѣ соотвѣтствующихъ томовъ свода, матеріалъ продолженій разносится въ свои мѣста. Сводъ законовъ гражданскихъ 1 ч. X. т. въ настоящее время выпущенъ уже въ пятомъ изданіи (изданіе 1900 г.), воспринявъ въ себя всѣ послѣдовательныя измѣненія, вызванныя реформами царствованій Императоровъ Александра II,

Александра III и нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Раздѣленіе всѣхъ гражданскихъ законовъ на законы свода и законы внѣ свода, законы мѣстные, сохраняется и до настоящаго времени. Мѣстные гражданскіе законы приведены были въ порядокъ, но въ общій сводъ законовъ внесены не были,—и населеніе Имперіи, не отличаясь однороднымъ племеннымъ составомъ, руководствуется въ своихъ повседневныхъ дѣлахъ неодинаковыми гражданскими законами. Пестрота гражданскихъ законовъ, царившая до недавняго времени въ Германіи и тамъ находившая свое объясненіе въ политической самобытности отдѣльныхъ частей, до настоящаго времени сохраняется и охраняется въ Россіи. Послѣ изданія свода признано было полезнымъ распространить дѣйствіе 1 ч. X т. на прежнюю территорію Литовскаго статута, а позже гражданскіе законы свода распространены и на губерніи Закавказья. Между тѣмъ вся

западная окраина Имперіи продолжаетъ сохранять свои мѣстные законы— Сводъ гражданскихъ узаконеній Прибалтійскихъ губерній и Гражданскій Кодексъ Царства Польскаго, не говоря уже о Финляндіи, стоящей, съ точки зрѣнія гражданскаго права, внѣ связи съ Имперіей; и это послѣ того и несмотря на то, что объединительныя реформы Императоровъ Александра II и Александра III привязали Прибалтійскій и Привислинскій край къ Имперіи узами болѣе тѣсными, чѣмъ тѣ, какія связывали эти области съ Имперіей въ царствованіе Императора Николая I. Объединеніе этихъ областей съ Имперіей въ отношеніи административномъ и судебномъ не имѣло до сего времени своимъ послѣдствіемъ объединенія всей территоріи Имперіи съ точки зрѣнія дѣйствія гражданскаго закона, и жители Царства Польскаго и Прибалтійскихъ губерній не знакомы, да и не имѣютъ повода ознакомиться съ тѣми гражданскими законами, которые дѣй-

ствуютъ на востокъ отъ Нарвы, Двинска и Бреста, такъ-же точно, какъ и населеніе коренной Россіи не интересуется тѣми законами, которые дѣйствуютъ въ десяти Привислинскихъ и въ трехъ Прибалтійскихъ губерніяхъ. Такая обособленность западной нашей окраины съ точки зрѣнія дѣйствующаго въ ней гражданскаго права представляетъ-ли только временное явленіе, или же въ цѣли законодателя вовсе не входитъ болѣе тѣсное сближеніе проникнутыхъ партикуляризмомъ окраинъ съ коренными частями Имперіи? Допустить послѣднее—значило-бы признать внутреннее противорѣчіе въ объединительныхъ реформахъ послѣднихъ двадцати пяти—тридцати лѣтъ. Развѣ у насъ, какъ и въ Германіи, не сознавалось, что наиболѣе прочною объединительною связью является единство гражданскаго закона? Исторія показываетъ, что къ этой мысли пришли уже въ царствованіе Императора Николая Павловича, когда сводъ законовъ граж-

данскихъ замѣнилъ собою дѣйствовавшій въ западныхъ губерніяхъ Литовскій статутъ. Значитъ, не изъ какихъ-либо принципіальныхъ соображеній, а изъ соображеній временнаго удобства слѣдуетъ вывести объясненіе того явленія, что западныя окраины живутъ не по тому гражданскому закону, которымъ руководствуется въ своихъ дѣлахъ огромное большинство населенія Имперіи. Въ чемъ-же заключаются удобства мѣстныхъ законовъ? Они полнѣе, чѣмъ Сводъ законовъ гражданскихъ, и потому болѣе соотвѣтствуютъ мѣстнымъ потребностямъ и запросамъ. Не вѣдь и Сводъ законовъ гражданскихъ никто не считаетъ за нѣчто совершенное. Напротивъ, его неудовлетворительность давно уже сознана, и давно уже существуетъ стремленіе замѣнить Сводъ—гражданскимъ уложеніемъ. А если гражданское уложеніе, призванное замѣнить Сводъ, окажется закономъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ не только 1 ч. X т., но и мѣстныя

узаконенія, то, спрашивается, не наступило-ли уже время устранить разрозненность частей Имперіи съ точки зрѣнія гражданскаго права и на мѣсто нынѣшней пестроты цивильныхъ нормъ поставить общее для всей Имперіи уложеніе?

СПбГУ

III.

Въ 1882 году состоялось Высочайшее повелѣніе „объ общемъ пересмотрѣ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и о составленіи проекта гражданскаго уложенія“. Текстъ этого закона таковъ: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра юстиціи, въ 12 и 26 дни мая 1882 г., Высочайше повелѣть соизволилъ: приступить къ общему пересмотру дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ и къ составленію проекта гражданскаго уложенія, сосредоточивъ производство означенной работы въ Министерствѣ Юстиціи“. Это Высочайшее повелѣніе не говоритъ о пересмотрѣ свода Законовъ Гражданскихъ (ч. I т. X), но имѣетъ въ виду „общій пересмотръ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ“; значитъ, толкуя этотъ законъ по буквальному его смыслу, въ цѣли законодателя входилъ пересмотръ всѣхъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, независимо отъ

того, помѣщаются-ли эти законы въ I ч. X т., или въ Сводѣ узаконеній губерній Прибалтійскихъ, или въ кодексѣ Царства Польскаго. Если-бы рѣчь шла только о пересмотрѣ свода законовъ гражданскихъ (ч. I т. X), то эта часть свода законовъ и была-бы точно обозначена въ Высочайшемъ повелѣніи, и равнымъ образомъ было-бы точно обозначено, что пересмотръ не долженъ касаться гражданскаго кодекса Царства Польскаго и свода гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ. Но Высочайшее повелѣніе не дѣлаетъ никакихъ ограниченій и изъятій: „общему“ пересмотру подлежатъ дѣйствующіе гражданскіе законы, т. е. всѣ въ Имперіи дѣйствующіе гражданскіе законы, а не какая либо часть этихъ законовъ.

Въ настоящее время проектъ гражданскаго уложенія изготовленъ въ полномъ видѣ. Какъ-же была понята составителями проекта возложенная на нихъ задача, что касается простран-

ства примѣненія будущаго закона? Оказывается, что приведенное выше Высочайшее повелѣніе истолковано было составителями проекта въ смыслѣ болѣе узкомъ, чѣмъ тотъ, какой вытекаетъ изъ текста этого закона. Въ объяснительной запискѣ къ V книгѣ проекта (т. I, стр. XXXVII) составители проекта говорятъ: „Въ Россіи, кромѣ т. X ч. I св. зак. гражд., какъ закона общаго, дѣйствуютъ на окраинахъ, въ губерніяхъ Царства Польскаго, Прибалтійскихъ и въ Бессарабіи особые мѣстные законы. Нѣтъ сомнѣнія, что для облегченія какъ торговыхъ, такъ и иныхъ сношеній разныхъ частей государства между собою, для сглаженія особенностей отдѣльныхъ мѣстностей, для усиленія государственной связи, другими словами, для достиженія экономическихъ и политическихъ цѣлей *въ высшей степени важно введеніе однихъ гражданскихъ законовъ на всемъ пространствѣ Имперіи.* Но осуществленіе этой мѣры—дѣло

будущаго. Въ настоящее же время при составленіи проекта гражданскаго уложенія не имѣется въ виду пересмотръ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ. *Эти законы и по изданіи уложенія должны остаться* въ силѣ, такъ какъ многочисленныя особенности мѣстнаго права не дозволяютъ пока полнаго сліянія его съ общими законами Имперіи. Но, конечно, совершеннаго обособленія и изъятія губерній Царства Польскаго и Прибалтійскихъ отъ дѣйствія общихъ законовъ Имперіи быть не можетъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по какому либо юридическому институту нѣтъ мѣстныхъ законовъ, должны быть примѣняемы законы общіе". Указавъ затѣмъ, что въ сводѣ гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ имѣются прямыя ссылки на то, что „извѣстные предметы гражданскаго права опредѣляются общимъ сводомъ законовъ Имперіи" и что „мѣстные законы губер-

ОПБУ

ній Царства Польскаго содержатъ въ себѣ значительные пробѣлы по многимъ предметамъ гражданскаго права". Объяснительная записка заключаетъ: „настоящій проектъ, хотя и не предназначенъ замѣнить собою указанные мѣстные законы, но, *по необходимости*, въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ будетъ распространенъ и на губерніи Царства Польскаго и Прибалтійскія". Относительно Бессарабіи объяснительная записка не встрѣчаетъ препятствій къ распространенію на эту губернію проекта обязательственнаго права. Послѣ всего сказаннаго странно встрѣтить въ объяснительной запискѣ слѣдующее заключеніе: „такимъ образомъ, нѣтъ препятствія для распространенія проекта книги V „объ обязательствахъ" на всю Россію".

Останавливаясь прежде всего на взглядахъ составителей проекта на вопросъ о пространствѣ примѣненія будущаго уложенія, нельзя не отмѣтить, что составители проекта съузили свою

задачу, возложенную на нихъ Высочайшимъ повелѣніемъ $^{12}/_{26}$ мая 1882 года: тогда какъ въ этомъ основномъ для будущаго уложенія законѣ предписывается „общій пересмотръ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ“, составители ограничиваются пересмотромъ гражданскихъ законовъ свода. На чемъ основано это рестриктивное толкованіе Высочайшаго повелѣнія? Такъ какъ всякій законъ отмѣняется закономъ-же, то для обоснованія точки зрѣнія составителей, отклонившихся, какъ видно, отъ исполненія прямого смысла Высочайшаго повелѣнія, необходимо искать указаній въ законодательныхъ актахъ, слѣдовавшихъ за Высочайшимъ повелѣніемъ 1882 г. Такого законодательнаго акта, который съуживалъ-бы объемъ Высочайшаго повелѣнія 1882 г., не существуетъ. Значитъ, составители ограничили свою задачу не въ силу какого-либо послѣдующаго закона, а только въ порядкѣ истолкованія основного Высочайшаго повелѣнія. Выска-

зывая вполнѣ правильное положеніе, что „для достиженія экономическихъ и политическихъ цѣлей въ высшей степени важно введеніе однихъ гражданскихъ законовъ на всемъ пространствѣ Имперіи“, составители въ то-же время утверждаютъ, что „осуществленіе этой мѣры—дѣло будущаго“. Почему-же будущаго, а не настоящаго? Когда-же наступитъ это будущее? Говорятъ: „многочисленныя особенности мѣстнаго права не дозволяютъ *пока* полнаго сліянія его съ общими законами Имперіи“. Но какъ-же можетъ наступить это полное сліяніе мѣстныхъ законовъ съ общими или, правильнѣе сказать, замѣна мѣстныхъ общими, если при такомъ удобномъ случаѣ, какъ выработка проекта уложенія, мы отказываемся отъ объединенія гражданскаго закона? Мѣстныя особенности, вызываемыя условіями климатическими и топографическими, всегда будутъ существовать, несмотря на политическую ассимиляцію окраинъ съ коренными

частями Имперіи; но мѣстныя особенности, составляющія наслѣдіе прежняго самобытнаго политическаго существованія окраинъ, конечно, подлежатъ устраненію и замѣнѣ ихъ единымъ общимъ гражданскимъ закономъ, что наилучшимъ образомъ обезпечитъ слѣяніе всѣхъ частей государства. Созданіе единообразныхъ юридическихъ условій жизни, безъ сомнѣнія, составляетъ сознательную цѣль законодательной политики, и нужно имѣть серьезныя основанія для того, чтобы отказываться отъ достиженія этой цѣли, завѣщая разрѣшеніе задачи неопредѣленному будущему. Гдѣ-же эти серьезныя основанія у составителей проекта гражданскаго уложенія? Ихъ нѣтъ, потому что тѣ соображенія, которыми составители проекта хотятъ оправдать свою точку зрѣнія на необходимость дальнѣйшаго существованія мѣстныхъ законовъ гражданскихъ, являются не болѣе какъ избитыми фразами, жалкими словами о нашей малокультурности въ сравненіи

СПбГУ

съ высокой яко-бы культурой привислинскихъ и прибалтійскихъ губерній. Не одинаковы культурныя условія жизни въ Иркутской и Кіевской губерніяхъ,—но отсюда не слѣдуетъ еще, чтобы населеніе Кіевской губерніи руководствовалось не тѣми гражданскими законами, какіе дѣйствуютъ въ Сибирскихъ губерніяхъ. Почему-же за Западнымъ Бугомъ и на Балтійскомъ побережьи должны дѣйствовать не тѣ гражданскіе законы, какіе будутъ дѣйствовать въ сосѣднихъ Петербургской, Сѣверо-Западныхъ и Юго-Западныхъ губерніяхъ? Вѣдь на тѣ случаи, относительно которыхъ въ болѣе совершенныхъ окраинныхъ кодексахъ наблюдаются пробѣлы, составители допускаютъ-же, *по необходимости*, распространеніе будущаго уложенія, какъ закона общаго. Значитъ уложеніе, по сравненію съ окраинными гражданскими кодексами, окажется полнѣе, а слѣдовательно и совершеннѣе чѣмъ законы окраинъ. Въ такомъ случаѣ, поче-

му печальную для дальнѣйшаго существованія мѣстныхъ законовъ *необходимость* видѣть въ распространеніи на окраины нѣкоторыхъ частей общаго уложенія, почему игнорировать необходимость замѣны мѣстныхъ законовъ общими?

Если въ настоящее время, ограничиваясь общими фразами о мѣстныхъ особенностяхъ, отлагаютъ задачу составленія общаго гражданскаго закона до неопредѣленнаго будущаго, и будущимъ уложеніемъ хотятъ замѣнить только I ч. X т. и другія гражданскія узаконенія свода, то это равносильно признанію на очень долгое время, превосходящее жизнь нѣсколькихъ поколѣній, той обособленности, которою проникнуты наши окраины и противъ которой въ отношеніи административномъ и судебномъ направлены были усилія правительства. Французскій кодексъ дѣйствуетъ въ теченіе ста лѣтъ, австрійскій кодексъ дѣйствуетъ въ теченіе девяноста лѣтъ, болѣе чѣмъ сто-

СПбГУ

лѣтнему существованію прусскаго уложенія былъ положенъ предѣлъ изданіемъ гражданскаго уложенія для всей Германской имперіи. Если бы нашъ проектъ превратился теперь въ законъ, то, конечно, дѣйствію его суждены были-бы многіе десятки лѣтъ, а объединеніе Имперіи съ точки зрѣнія гражданскихъ законовъ на такой-же продолжительный періодъ времени было-бы отодвинуто. Обособленность окраинъ не можетъ составлять сознательной цѣли законодательной политики, которая, напротивъ, вездѣ и всегда стремится къ установленію единообразія. Составители проекта не стремились къ единообразію закона, и существующее нынѣ разнообразіе гражданскихъ законовъ, въ случаѣ принятія проекта, сохранилось-бы и на будущее время, а задача объединенія Имперіи и сплоченія ея частей, съ точки зрѣнія дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ, осталась-бы все еще не разрѣшенной. Въ чьихъ интересахъ это сохраненіе партикуляризма?

Разумѣется, не въ интересахъ Имперіи, а развѣ въ интересахъ привычки мѣстнаго населенія къ дѣйствующему мѣстному законодательству. Но мѣстныя юридическія понятія, основанныя на мѣстныхъ кодексахъ, вовсе ужъ не являются понятіемъ чуждымъ проекту уложенія. Основные вопросы права, разрабатываемые гражданскими кодексами, вездѣ одинаковы: и въ I ч. X т. св.-зак., и въ кодексѣ Наполеона, и въ сводѣ гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ, и въ проектѣ гражданскаго уложенія. Подробности въ разрѣшеніи основныхъ вопросовъ могутъ быть различны. Вотъ эти-то различія въ детальной разработкѣ вопросовъ гражданскаго права и подлежатъ уничтоженію, насколько это возможно съ точки зрѣнія естественныхъ мѣстныхъ условій. Вмѣсто того, чтобы ограничиваться неизмѣннымъ припѣвомъ о мѣстныхъ особенностяхъ, слѣдовало-бы показать и доказать, въ чемъ эти мѣстныя особенности заключаются

и представляются-ли онѣ особенностями такого рода, что сгладить ихъ до уровня общаго уложенія невозможно. Составители проекта этихъ доказательныхъ соображеній не привели. Принять на вѣру положеніе о мѣстныхъ особенностяхъ, препятствующихъ созданію общаго уложенія, нѣтъ основаній въ виду характера проекта. Приходится, слѣдовательно, сопоставить содержаніе проекта съ содержаніемъ Гражданскаго Кодекса и Свода мѣстныхъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ. Это сопоставленіе покажетъ черты сходства и различія между будущимъ уложеніемъ и сохраняющими, по мысли составителей проекта, свою силу мѣстными гражданскими законами.

IV.

Проектъ гражданскаго уложенія состоитъ изъ пяти книгъ, въ которыхъ излагаются слѣдующія ученія: книга I (124 статьи) обнимаетъ „положенія общія“; во II книгѣ (626 статей) излагается „семейственное право“; книга III (590 статей) изображаетъ „вотчинное право“; книга IV (227 статей) содержитъ „наслѣдственное право“, и наконецъ, въ V книгѣ (1.106 статей) изложены „обязательства“. Распредѣленіе книгъ напоминаетъ 1 ч. X т. св. зак., кромѣ, разумѣется, „положеній общихъ“, которыя въ 1 ч. X т. отсутствуютъ. „Общими положеніями“ объединяются до извѣстной степени спеціальныя ученія уложенія; „общія положенія“—это выводы, сдѣланные на основаніи спеціальныхъ частей уложенія. Не съ нихъ, слѣдовательно, нужно начинать сравненіе проекта съ мѣстными узаконеніями, а со спеціальныхъ частей; когда же будетъ закончено со-

ОЦК

поставленіе спеціальныхъ частей, тогда умѣстно будетъ приступить и къ сравнительной оцѣнкѣ общихъ положеній.

Придерживаясь порядка изложенія проекта, мы останавливаемся прежде всего на вопросѣ: въ чемъ семейственное право по мѣстнымъ кодексамъ отличается отъ семейственнаго права по проекту? Основаніемъ семейственнаго права является союзъ брачный. Ст. 60 кн. II проекта постановляетъ слѣдующее общее правило для лицъ всѣхъ исповѣданій: „Бракосочетаніе совершается публично, вѣнчаніемъ или исполненіемъ иного обряда, требуемаго для установленія брака по правиламъ исповѣданія вступающихъ въ бракъ". Если-бы составители проекта и не позаботились снабдить эту статью, въ объяснительной запискѣ, ссылками на т. XI ч. 1 (уставъ иностр. исповѣд.) и на положеніе о союзѣ брачномъ 1836 г. для польскихъ губерній, то и въ такомъ случаѣ не трудно было-бы подыскать въ дѣйствующихъ въ Имперіи граж-

данскихъ законахъ правила вполнѣ совпадающія съ приведеннымъ общимъ правиломъ проекта. Въ 1 ч. X. т. правило это изложено въ ст. 31 для браковъ православныхъ, въ ст. 61 и 65 для христіанъ неправославныхъ, въ ст. 90 для браковъ нехристіанъ. Ст. 2 положенія о союзѣ брачномъ гласитъ: „бракъ освящается церковью и совершенъ быть можетъ не иначе, какъ сообразно правиламъ и обрядамъ церковнымъ". Въ сводѣ гражд. узак. губ. прибалт. ст. 2 также постановляетъ, что „заключеніе и прекращеніе браковъ между лицами евангелическо-лютеранскаго исповѣданія совершается по правиламъ, изложеннымъ въ уставѣ евангелическо-лютеранской церкви и въ наказѣ духовенству этой церкви". То-же правило о необходимости религіознаго освященія брачнаго союза повторяется въ уставѣ иностр. испов. въ ст. 300-302—для лютеранъ въ ст. 1290—для караимовъ, въ ст. 1325—для евреевъ, въ ст. 1490 и 1604—для мусульманъ

шіитовъ и сушшитовъ. Однимъ словомъ, правило проекта—есть общее всѣмъ дѣйствующимъ въ Имперіи законамъ о бракахъ. Значитъ, въ этомъ вопросѣ мы не встрѣчаемъ какихъ либо мѣстныхъ особенностей, которыя препятствовали бы распространенію закона о совершеніи брака по проекту и на окраины. Впрочемъ, вопросъ о совершеніи брака въ большей мѣрѣ относится къ праву церковному, а не къ гражданскому. Изъ союза брачнаго возникаютъ отношенія личныя и имущественныя между супругами. Въ отношеніяхъ личныхъ всѣ законы обязываютъ супруговъ жить въ добромъ согласіи и подчиняютъ жену—мужу (ст. 106, 107, ч. 1, т. X; ст. 7, 8, свода гр. уз. губ. прибалт.). Хотя въ польскомъ положеніи эти наставленія неюридическаго характера и не помѣщены, отсюда однако не слѣдуетъ, чтобы въ губерніяхъ Царства Польскаго супруги не были обязаны другъ въ отношеніи друга взаимною любовью и вѣрностью. Ничего,

СПбГУ

значитъ, новаго несогласнаго съ мѣстными взглядами не вводитъ проектъ, провозглашая, что „бракъ создаетъ для мужа и жены обязанность супружеской вѣрности, взаимнаго попеченія и помощи другъ другу“ (ст. 108) и развивая это положеніе въ слѣдующихъ статьяхъ; ново для всѣхъ законовъ только то правило проекта (ст. 115), по которому мужъ, при извѣстныхъ условіяхъ, въ правѣ требовать содержанія отъ жены. Союзъ брачный, охватывая жизнь супруговъ со всѣхъ сторонъ, не можетъ не оказывать вліянія на имущественныя ихъ отношенія, и всѣ гражданскіе кодексы, за исключеніемъ нашего дѣйствующаго закона, разрѣшаютъ этотъ вопросъ въ томъ смыслѣ, что признаютъ за бракомъ значеніе такого момента, который оказываетъ вліяніе на взаимныя отношенія супруговъ по имуществамъ. Вопросъ лишь въ томъ, въ какой мѣрѣ бракъ вліяетъ на имущественныя права супруговъ. Въ гражданскихъ кодексахъ

устанавливается одна или нѣсколько законныхъ системъ, дѣйствующихъ въ той мѣрѣ и въ тѣхъ случаяхъ, если при заключеніи брака не имѣло мѣста особое соглашеніе между супругами; договору объ имущественныхъ послѣдствіяхъ брака отдается предпочтеніе, а за отсутствіемъ договора—дѣйствуетъ закономъ установленная система.

Законныя системы имущественныхъ отношеній между супругами чрезвычайно разнообразны. При составленіи проекта Германскаго гражданскаго уложенія было опредѣлено, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, что въ Германіи число этихъ системъ значительно больше ста; конечно, разнообразіе сводилось къ подробностямъ, и эти многочисленныя системы можно было свести къ нѣсколькимъ основнымъ категоріямъ, каковы—универсальная общность супружескихъ имуществъ, общность частичная, германская раздѣльность (съ общностью управленія, съ общностью пріобрѣтенія-

го въ бракѣ имущества и т. п.), наконецъ, римская дотальная система (Motive B. IV стр. 134). Конечно, разнообразіе системъ опредѣлялось въ Германіи самобытнымъ развитіемъ права отдѣльныхъ государствъ; такой пестроты не было въ другихъ европейскихъ государствахъ. Нежеланіе подчиниться законной системѣ вызывало заключеніе договоровъ объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами. По нашему дѣйствующему праву, какъ извѣстно, „бракомъ не составляется общаго владѣнія въ имуществѣ супруговъ; каждый изъ нихъ можетъ имѣть и вновь пріобрѣтать отдѣльную свою собственность“ (ст. 109 ч. 1 т. X). Это не система, а отрицаніе всякой системы. Разумѣется, и у насъ возможны договорныя отношенія между супругами; но къ заключенію подобныхъ договоровъ, въ виду провозглашаемой закономъ полной раздѣльности супружескихъ имуществъ, у насъ нѣтъ поводовъ, и договоры этого рода

чрезвычайно рѣдки (чаще всего они сопутствуютъ заключенію браковъ у евреевъ). По мѣстнымъ узаконеніямъ, бракъ оказываетъ положительное вліяніе на имущественныя отношенія супруговъ. Въ Сводѣ гражд. узаконеній губерній Прибалтійскихъ имущественныя отношенія между супругами отличаются большимъ разнообразіемъ: одни правила дѣйствуютъ въ Лифляндіи и Эстляндіи, другія въ Курляндіи, одни дѣйствуютъ только въ городахъ, другія въ уѣздахъ, нѣкоторыя существуютъ спеціально для духовенства въ Лифляндіи, и то для духовенства, не принадлежащаго къ потомственному дворянству. Разнообразіе Лифляндскихъ, Эстляндскихъ и Курляндскихъ партикуляризмовъ обобщается въ слѣдующихъ положеніяхъ: „Вслѣдствіе брака мужъ дѣлается опекуномъ (совѣтникомъ или ассистентомъ) жены“ (ст. 11) и „Въ силу супружеской опеки, мужъ владѣетъ и управляетъ всѣмъ совокупнымъ имуществомъ, какъ имъ, такъ и

женою при бракѣ внесеннымъ, а также ими совокупно или каждымъ изъ нихъ отдѣльно въ продолженіе супружества пріобрѣтеннымъ, или иначе имъ доставшимся, *на сколько закономъ или договоромъ не установлено особаго о томъ изъятія*“ (ст. 12). Подобное же положеніе устанавливается и для губерній Царства Польскаго по уложенію 1825 г.: „Имущественныя отношенія супруговъ, *если они не опредѣлены договоромъ*, подчиняются нижеслѣдующимъ правиламъ“ (ст. 191) и „мужъ во время брака управляетъ имуществомъ жены, и ему, какъ обязанному нести расходы по супружеской жизни, принадлежитъ пользованіе имуществомъ жены“... (ст. 192). Нашъ проектъ стоитъ всецѣло на точкѣ зрѣнія 1 ч. X т.: „Бракъ не установляетъ общности имущества супруговъ. Каждый изъ супруговъ сохраняетъ принадлежавшее ему до брака имущество и во время брака можетъ пріобрѣтать имущество и распоряжаться имъ независимо отъ дру-

го супруга“ (ст. 116). Не вдаваясь въ критику взглядовъ составителей проекта на вопросъ объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами намъ достаточно отмѣтить и признать существованіе „мѣстныхъ особенностей“ по этому вопросу въ нашихъ окраинныхъ кодексахъ. Однако нельзя не признать, что существованіе этихъ особенностей не можетъ служить препятствіемъ къ распространенію будущаго уложенія и на губерніи Привислинскія и Прибалтійскія. И въ Германіи, гдѣ разнообразіе системъ имущественныхъ отношеній между супругами было гораздо значительнѣе чѣмъ у насъ, при составленіи проекта уложенія возбужденъ былъ вопросъ о томъ, примѣнить-ли одну изъ дѣйствующихъ системъ для всей имперіи, или допустить нѣсколько съ распространеніемъ каждой изъ нихъ на опредѣленную только область (Regional-system), или, наконецъ, устранить этотъ вопросъ изъ общаго уложенія, признавъ этотъ вопросъ матеріей партику-

лярнаго законодательства. Принята была единая законная система съ возможностью отступленія отъ нея путемъ договора. У насъ трудно было-бы ожидать разрѣшенія вопроса въ смыслѣ установленія единой системы для всей Имперіи. Не представлялось бы особыхъ затрудненій объединить систему Польскую съ Прибалтійской; но объединить систему окраинныхъ кодексовъ съ проектомъ не мыслимо, такъ какъ проектъ отрицаетъ всякую систему. Если будущее уложеніе не сойдетъ съ точки зрѣнія дѣйствующаго закона (ст. 109 ч. 1 т. X), то мѣстныя системы не подлежали бы упраздненію, а должны были бы быть оставлены въ силѣ, такъ какъ эти системы соотвѣтствуютъ здравымъ понятіямъ о бракѣ. Собственно говоря, то положеніе вещей, которое считается нормальнымъ съ точки зрѣнія польскихъ и прибалтійскихъ законовъ, наблюдается и у насъ, при дѣйствіи ст. 109 ч. I т. X, потому что фактически мужъ въ большинствѣ случаевъ яв-

ляется опекуномъ, совѣтникомъ, ассистентомъ жены, и управляетъ ея имуществомъ, а при такихъ условіяхъ, возникаетъ еще большое сомнѣніе, слѣдуетъ-ли въ будущее уложеніе вносить то отрицаніе всякой системы въ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ, которое санкціонируется I ч. X т., и не цѣлесообразнѣе-ли усвоить начала мѣстныхъ кодексовъ по этому вопросу. Мотивы составителей проекта по разсматриваемому вопросу не поражаютъ своею солидностью; имущественная раздѣльность должна оставаться въ уложеніи потому, во-первыхъ, что къ ней привыкли; во-вторыхъ потому, что раздѣльность возвышаетъ положеніе жены и матери въ семействѣ и охраняетъ неприкосновенность имущества ея противъ разорительныхъ для семьи послѣдствій неразумныхъ или безпорядочныхъ распоряженій мужа; потому, наконецъ, что раздѣльность выгоднѣе для третьихъ лицъ, которыя, заключая съ однимъ изъ супруговъ сдѣлку, зна-

СПбГУ

ютъ впередъ, что каждый изъ супруговъ самостоятеленъ въ имущественномъ отношеніи. Ссылка на всеобщую привычку къ раздѣльности устраняетъ возможность какого-бы то ни было обновленія и усовершенствованія закона; несмотря на долголѣтнюю привычку къ понятію родовыхъ имуществъ и къ порядку законнаго наслѣдованія проектъ уничтожилъ же раздѣленіе имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя и ввелъ новый порядокъ наслѣдованія? Не совсѣмъ понятна заботливость проекта о женѣ, якобы находящейся въ хроническомъ страданіи отъ неразумныхъ и безпорядочныхъ распоряженій мужа. Вѣдь безпорядочныя и неразумныя распоряженія своимъ имуществомъ могутъ исходить и отъ жены, и, надо думать, часто оказываются таковыми, если западно-европейскія законодательства ставятъ жену подъ опеку мужа, да и у насъ фактически, по признанію составителей, распоряженія имуществомъ супруговъ совершаются

по общему согласію ихъ. Заботы объяснительной записки (т. I стр. 175) о третьихъ лицахъ, имѣющихъ дѣловыя отношенія къ супругамъ, были-бы понятны, если-бы смотрѣть на брачный союзъ какъ на договорное отношеніе, проникнутое прежде всего имущественнымъ характеромъ.

Но всѣмъ законодательствамъ, въ томъ числѣ и проекту, чуждъ подобный взглядъ. Если въ настоящее время кредиторы одного супруга знаютъ, что не имѣютъ правъ на имущество другого, то при дѣйствіи западно-европейскихъ системъ, интересы третьихъ лицъ не страдаютъ отъ того, что сдѣлка ихъ съ однимъ изъ супруговъ можетъ нуждаться въ согласіи со стороны другого. Нормальныя и желательныя супружескія отношенія—отношенія мирныя и добраго согласія, для такихъ отношеній и существуютъ закономъ установленныя системы. А то, что составители проекта называютъ нашей системой имущественныхъ отно-

шеній и что въ сущности является отрицаніемъ всякой системы, то разсчитано на отношенія не нормальныя, на постоянную враждебность между супругами. Бракъ не можетъ не оказывать вліянія на имущественныя отношенія между супругами: это признаетъ до нѣкоторой степени и дѣйствующее наше законодательство (т. XI ч. 2 ст. 554 у. суд. тор.; ст. 976 у. гр. с.), не можетъ не признать и проектъ (объясн. зап. т. I стр. 177). Отъ этихъ изъятій до усвоенія какой либо системы имущественныхъ отношеній уже не такъ далеко. Нѣтъ основанія ожидать, чтобы „система“ проекта стала общею и для нашихъ окраинъ; но если-бы въ силу болѣе солидныхъ соображеній, чѣмъ тѣ, какія приводятся въ объяснительной запискѣ, признано было желательнымъ удержать въ большей части Имперіи нынѣшнюю раздѣльность, то и въ такомъ случаѣ окраинныя системы могли-бы найти себѣ мѣсто въ будущемъ уложеніи, какъ

партикулярныя нормы привислинскихъ и прибалтійскихъ губерній, отъ чего единство гражданскаго закона пострадало бы гораздо меньше, чѣмъ страдаетъ оно при существованіи и при сохраненіи на будущее время мѣстныхъ кодексовъ. Уложенію пришлось-бы усвоить т. наз. областную систему (Regionalsystem) въ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ. Какъ въ вопросѣ о заключеніи брака, такъ и въ вопросѣ о его прекращеніи положенія проекта легко могли-бы быть объединены съ мѣстными законами, тѣмъ болѣе, что съ введеніемъ въ проектъ правилъ о раздѣльномъ жительствѣ супруговъ, между мѣстными законами и проектомъ уложенія нѣтъ болѣе специфическихъ различій.

СПбГУ

V.

Нормальнымъ послѣдствіемъ супружескаго сожитія является рожденіе дѣтей. Между дѣтьми и родителями возникаютъ отношенія двоякаго порядка—личныя и имущественныя. Но не только рожденіе дѣтей въ законномъ бракѣ родителей обосновываетъ эти отношенія,—они возникаютъ и искусственнымъ путемъ, чрезъ усыновленіе и узаконеніе. Оба эти института получили у насъ широкое примѣненіе благодаря закону 12 марта 1891 года. Къ улучшенію участи внѣбрачныхъ (незаконнорожденныхъ) дѣтей направленъ законъ 3 іюля 1902 г. Составителямъ проекта оставалось воспроизвести дѣйствующій законъ объ усыновленіи и узаконеніи; но они не ограничились воспроизведеніемъ закона, а обосновали положенія проекта ссылками на различныя европейскія законодательства, въ томъ числѣ на гражданскіе законы Царства Польскаго и на прибалтійскій

сводъ. И оказалось, что усыновленіе и узаконеніе признаются основаніями родительской власти какъ въ проектѣ, такъ и въ мѣстныхъ законахъ. Законы Царства Польскаго отличаются нѣкоторыми особенностями въ подробностяхъ разрѣшенія вопроса объ усыновленіи, но принципіально вопросъ этотъ и въ проектѣ, и въ мѣстныхъ законахъ польскихъ разрѣшается одинаково; прибалтійскій-же сводъ по вопросу объ усыновленіи совпадаетъ съ дѣйствующимъ нашимъ закономъ 12 марта 1891 года и съ положеніями проекта. Значитъ, въ этомъ случаѣ нѣтъ препятствій къ объединенію мѣстныхъ законовъ съ будущимъ уложеніемъ; болѣе подробные общіе законы легко могли-бы быть примирены съ мѣстными посредствомъ соотвѣтствующихъ измѣненій въ послѣднихъ, и это въ значительной мѣрѣ облегчалось-бы общностью дѣйствующаго во всей Имперіи процессуальнаго закона.

СПбГУ

Личныя отношенія родителей и дѣтей не встрѣтятъ препятствій на пути къ обобщенію касающихся ихъ законовъ,—потому что это jus quod natura omnia animalia docuit. Имущественныя отношенія родителей и дѣтей не совсѣмъ одинаково нормируются въ различныхъ законахъ. Римская patria potestas въ области имущественныхъ отношеній не извѣстна вообще современному гражданскому праву. Дѣти и при жизни родителей являются субъектами права на имущество, будучи лишь въ несовершенномъ возрастѣ ограничены въ правѣ распоряженія своимъ имуществомъ. Вопросъ о правахъ родителей на имущество дѣтей разрѣшается законодательствами различно, начиная отъ отрицанія правъ родителей и оканчивая признаніемъ за родителями права на безотчетное управленіе имуществомъ дѣтей. Отрицательное отношеніе къ праву родителей на имущество дѣтей проявляетъ дѣйствующій нашъ гражданскій законъ, глася-

щій (ст. 193 ч. I т. X), что „родители не имѣютъ права на отдѣленное или частное имущество своихъ дѣтей и не могутъ распоряжаться онымъ иначе, какъ по согласію и уполномочію самихъ владѣльцевъ, отвѣтствуя въ противномъ случаѣ за всѣ понесенные виною ихъ убытки, наравнѣ съ лицомъ посторонним“,—это что касается имущества совершеннолѣтнихъ дѣтей, тогда какъ „во время несовершеннолѣтія дѣтей родители управляютъ имуществомъ, собственно дѣтямъ принадлежащимъ на правѣ опекунскомъ“ (ст. 180 ч. I т. X). По законамъ Царства Польскаго, отцу, въ силу его родительской власти, принадлежитъ право управленія имуществомъ лично принадлежащимъ его несовершеннолѣтнимъ дѣтямъ; но онъ подлежитъ отвѣтственности и обязанъ дать отчетъ объ имѣніи, принадлежащемъ имъ на правѣ собственности и даже о доходахъ, насколько ему не предоставлено пользовладѣніе (ст. 341 гр. улож.); а

пользовладѣніе родителей не простирается на имущество дѣтей, пріобрѣтенное отдѣльнымъ ихъ трудомъ и промысломъ, и на имущество, доставшееся имъ по даренію или отказанное имъ по завѣщанію, съ положительнымъ условіемъ, что отецъ ихъ и мать не должны имѣть пользовладѣнія на этомъ имуществѣ (ст. 344). Въ прибалтійскихъ губерніяхъ „отдѣльное имущество дѣтей, принадлежащее имъ особо отъ родительскаго, состоитъ до совершеннолѣтія ихъ въ управленіи отца; въ случаѣ-же его смерти или встрѣтившихся ему препятствій управленіе переходитъ къ матери“ (ст. 215 св. гр. уз.). Хотя „родители управляютъ отдѣльнымъ имуществомъ своихъ дѣтей на правахъ опекуновъ, но не обязаны давать отчета въ своемъ управленіи“ (ст. 216). Во время несовершеннолѣтія дѣтей пользованіе отдѣльнымъ ихъ имуществомъ принадлежитъ отцу, а послѣ его смерти матери, и хотя дурное хозяйствованіе от-

дѣльнымъ дѣтскимъ имуществомъ и можетъ служить причиною къ устраненію отца или матери отъ управленія, однако, и въ этомъ случаѣ родители не устраняются отъ пользованія дѣтскимъ имуществомъ (ст. 218, 219). Что же постановляетъ по разсматриваемому вопросу проектъ? Въ общемъ то же, что мы находимъ и въ дѣйствующихъ законахъ и въ мѣстныхъ кодексахъ, на которые объяснительная записка въ данномъ случаѣ дѣлаетъ ссылку. „Когда къ несовершеннолѣтнему дойдетъ имущество, то отецъ вступаетъ въ управленіе имъ и немедленно доводитъ о семъ до свѣдѣнія мѣстнаго, по своему жительству, опекунскаго начальника и представляетъ ему опись, составленную съ соблюденіемъ порядка, указаннаго въ ст. 434 и 436 (для опекуновъ)“ (ст. 298 проекта). „Отецъ управляетъ имуществомъ своихъ несовершеннолѣтнихъ дѣтей по правиламъ установленнымъ для опекуновъ“ (ст. 299). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ

отецъ можетъ быть устраненъ отъ опеки, и тогда въ отправленіе опекунскихъ обязанностей вступаетъ мать (ст. 304). При такой постановкѣ вопроса о правахъ родителей на имущество дѣтей какъ въ проектѣ, такъ и въ мѣстныхъ кодексахъ трудно усмотрѣть препятствіе принципіальнаго свойства къ установленію единой системы имущественныхъ отношеній между родителями и дѣтьми. Родители вездѣ являются опекунами дѣтей по имуществу ихъ, но характеръ опекунскихъ обязанностей родителей и объемъ ихъ правъ не вездѣ одинаковъ. Сгладить въ этомъ случаѣ различія тѣмъ легче, что право опеки по проекту разработано составителями не на основаніи одного лишь дѣйствующаго закона, но и на основаніи мѣстныхъ кодексовъ. Неудовлетворительность нынѣшняго устройства опекунской части требовала особыхъ мѣропріятій правительства. Проектъ опекунскаго устава былъ отпечатанъ еще въ 1874 году, но и де-

сять лѣтъ спустя Высочайше утверждено 11 декабря 1884 года мнѣніе Государственнаго Совѣта, гдѣ сказано: „весьма желательно дать направленіе въ законодательномъ порядкѣ вопросу о переустройствѣ сей части, не ожидая окончанія трудовъ Высочайше учрежденнаго при Министерствѣ Юстиціи комитета по составленію новаго гражданскаго уложенія, нынѣ же подвергнуть этотъ вопросъ отдѣльному разсмотрѣнію въ означенномъ комитетѣ и выработанныя онымъ предположенія, по сношенію съ подлежащимъ вѣдомствомъ, въ непродолжительномъ по возможности времени внести на обсужденіе Государственнаго Совѣта“. Редакціонной комиссіи пришлось дважды составить проектъ законовъ объ опекѣ. Проектъ опекунскаго устава былъ изданъ въ 1891 г.; но и доселѣ силы закона онъ не получилъ. Статьи объ опекахъ въ той части проекта уложенія, которая посвящена семейственному праву, выработаны на основаніи

проекта 1874 г., европейскихъ кодексовъ и нашихъ мѣстныхъ законовъ. Въ гражданскомъ уложеніи находятъ себѣ мѣсто правила о юридическихъ отношеніяхъ, возникающихъ изъ опеки, тогда какъ организація опекунскихъ установленій относится къ уставу объ опекахъ и попечительствахъ. Опекуны призываются къ отправленію своихъ обязанностей либо въ силу предписанія закона, либо по завѣщательному распоряженію, либо, наконецъ, по назначенію опекунскаго установленія (tutela legitima, testamentaria, dativa). Законными опекунами являются по 1 ч. X т. (ст. 226, 229, 230) родители, главнымъ образомъ отецъ. Гражданское уложеніе Царства Польскаго хотя и совпадаетъ въ этомъ случаѣ съ 1 ч. X т., призывая къ отправленію опекунскихъ обязанностей „въ силу самаго закона“ отца и мать (ст. 348, 349); но здѣсь не только родители являются законными опекунами, а также и восходящіе, причемъ восходящимъ

со стороны отца отдается предпочтеніе предъ восходящими со стороны матери (ст. 369—371). И Сводъ гражд. узак. губ. Прибалтійскихъ, предоставляя опеку естественнымъ опекунамъ-родителямъ (273, 288 ст.), за ихъ отсутствіемъ или отказомъ призываетъ къ опекѣ и восходящихъ (ст. 289). Проектъ расширяетъ кругъ законныхъ опекуновъ въ сравненіи съ дѣйствующимъ сводомъ гражданскихъ законовъ, но не вводитъ чего либо новаго по сравненію съ мѣстными кодексами: законными опекунами по проекту оказываются, въ силу родительской власти, отецъ и мать (ст. 299, 303), а за ихъ отказомъ призываются къ опекѣ, по опредѣленію опекунскаго начальника, одно изъ слѣдующихъ лицъ: дѣдъ, братъ, дядя, бабка, сестра или тетка (ст. 419). Нѣтъ принципіальной новизны и въ постановкѣ вопроса объ опекунахъ по завѣщанію: проектъ предоставляетъ право назначать въ завѣщаніи опекуновъ только роди-

телямъ, въ силу принадлежащей имъ родительской власти (ст. 407), подобно тому, какъ право это предоставлено родителямъ и 227 ст. ч. I т. X, и 364 ст. гражд. уложенія Царства Польскаго, между тѣмъ какъ въ прибалтійскомъ сводѣ (ст. 294) право назначать опекуновъ въ завѣщаніи признается и за всѣми посторонними лицами, завѣщающими что-либо несовершеннолѣтнимъ, не только въ отношеніи къ завѣщанному имуществу. Вопросъ о назначеніи опекуна правительственною властью допускаетъ въ своемъ рѣшеніи разнообразія въ подробностяхъ, но не въ принципіальной постановкѣ. Въ сравненіи съ дѣйствующимъ нашимъ закономъ правила проекта ограничиваютъ опекунское установленіе (опекунскаго начальника) въ свободѣ выбора при назначеніи опекуновъ, заставляя считаться съ ближайшими родственниками несовершеннолѣтняго. Новостью для дѣйствующаго закона, но не для мѣстныхъ кодексовъ,

является „семейный совѣтъ“, учреждаемый не только по желанію заинтересованныхъ лицъ (родителей, ближайшихъ родственниковъ, опекуна), но и по усмотрѣнію опекунскаго начальника (ст. 513 проекта). Правила проекта по этому вопросу основаны главнымъ образомъ на соотвѣтствующихъ статьяхъ гражданскаго уложенія Царства Польскаго (ст. 372—388). Характерную особенность учрежденія семейнаго совѣта составляетъ то, что, состоя изъ родственниковъ несовершеннолѣтняго, совѣтъ дѣйствуетъ подъ предсѣдательствомъ опекунскаго начальника. Если въ сводѣ гражд. узакон. губерній прибалтійскихъ и не упоминается о семейномъ совѣтѣ, какъ объ особомъ институтѣ, то нельзя сказать, чтобы этому мѣстному законодательству совсѣмъ чужда была идея участія родственниковъ въ опекѣ надъ несовершеннолѣтнимъ. Напротивъ, по лифляндскимъ и эстляндскимъ городскимъ правамъ овдовѣвшей матери придаются два совѣтника, въ

качествѣ сообекуновъ, которые должны быть избираемы, по возможности, изъ числа родственниковъ дѣтей съ отцовской и материнской стороны (ст. 286 св. гр. уз. губ. прибалт.).

Управленіе дѣлами несовершеннолѣтняго и отчетность опекуновъ опредѣляются дѣйствующими законами и проектомъ въ зависимости отъ того, кто является опекуномъ. Родительское управленіе не подлежитъ той отчетности, какой подчинено управленіе другихъ опекуновъ (ст. 490 проекта, ст. 416 прибалт., ст. 452 гражд. уложен. Царства Польскаго).

Послѣдній (V) раздѣлъ проекта II книги уложенія посвященъ актамъ состоянія—вопросу, не имѣющему прямого отношенія къ матеріальному гражданскому праву. Пріуроченіе этихъ актовъ къ совершенію религіозныхъ обрядовъ объединяетъ отдѣльныя законодательства Имперіи.

Обзоръ основныхъ вопросовъ семейственнаго права по проекту, по I ч.

X т. и по мѣстнымъ кодексамъ приводитъ къ заключенію, что то новое, что вноситъ проектъ въ наше будущее уложеніе, представляетъ собою заимствованіе изъ мѣстныхъ законовъ, а то, что проектомъ почерпается изъ I ч. X т.—какъ вопросъ объ имущественныхъ отношеніяхъ между супругами—то подлежало-бы пересмотру въ цѣляхъ сближенія съ мѣстными кодексами. Во всякомъ случаѣ, непреоборимыхъ затрудненій въ созданіи общихъ нормъ семейственнаго права для всего населенія Имперіи представиться не можетъ. Принявъ даже двѣ системы имущественныхъ отношеній между супругами—систему мѣстныхъ кодексовъ и „систему“ I ч. X т., объединенное уложеніе въ части, посвященной семейственному праву, не оказалось бы обремененнымъ бо́льшимъ количествомъ матеріала (статей), чѣмъ тотъ, какой помѣщался во всѣхъ кодексахъ, ибо если правда, что бракъ не оказываетъ никакого вліянія на имущественныя

отношенія супруговъ, то это положеніе въ большомъ числѣ статей не нуждается; каждое изъятіе изъ этого положенія, напротивъ, будетъ свидѣтельствовать о томъ, что бракъ не можетъ не оказать вліянія на имущественныя сферы супруговъ, а если такъ, то лучше обобщить положенія мѣстныхъ кодексовъ по этому вопросу и на самомъ дѣлѣ установить какую либо систему.

СПбГУ

VI.

Третья книга проекта гражданскаго уложенія посвящена вотчинному праву. „Вотчинныя права суть: 1) право собственности; 2) права въ чужомъ имуществѣ; 3) залогъ и закладъ. Къ вотчиннымъ правамъ относятся также авторское право и привилегіи на изобрѣтенія, а равно права на фирму и на товарные знаки". Такъ гласитъ 1 ст. III книги проекта—статья чисто редакціоннаго характера. Внѣ этого, не вполнѣ удачнаго по своей неопредѣленности перечня вотчинныхъ правъ, нѣтъ иныхъ вотчинныхъ правъ. Съ точки зрѣнія Свода гражд. узак. Прибалтійскихъ губерній не представляется сомнѣній, что перечисленныя въ первой половинѣ статьи проекта права—суть права вотчинныя: достаточно обратить вниманіе на мѣсто, занимаемое въ этомъ Сводѣ статьями, касающимися перечисленныхъ въ 1 ст. проекта правъ; не вызываетъ этотъ пере-

чень сомнѣній и съ точки зрѣнія гражданскаго уложенія Царства Польскаго и Ипотечныхъ уставовъ 1818 и 1825 гг. Разрѣшаются этою статьею развѣ сомнѣнія, вызываемыя отнесеніемъ закладнаго права въ I ч. X т. къ разряду обязательственныхъ правъ. Если ст. 1 проекта части уложенія о вотчинныхъ правахъ представляется въ будущемъ кодексѣ излишнею, то внесеніе ея въ проектъ облегчаетъ распространеніе уложенія и на окраины, ибо статья эта является редакціоннымъ обобщеніемъ положеній, заимствованныхъ изъ всѣхъ нашихъ дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ.

Уложеніе Царства Польскаго и Прибалійскій Сводъ по вопросамъ вотчиннаго права имѣютъ значительное преимущество предъ 1 ч. X т., прежде всего благодаря существованію въ мѣстныхъ законодательствахъ вотчинной записки. Неудовлетворительность дѣйствующаго у насъ порядка въ дѣлѣ укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества вызвало со-

ставленіе проекта вотчиннаго устава, который вышелъ еще въ 1893 г. Проектъ главныхъ основаній предполагаемаго порядка укрѣпленія правъ на недвижимыя имущества удостоился Высочайшаго утвержденія еще 19 мая 1881 года. Выработанный редакціонной комиссіей по составленію гражданскаго уложенія проектъ вотчиннаго устава остается и до сего времени проектомъ, хотя по Высочайшему повелѣнію отъ 3 ноября 1882 года этотъ проектъ подлежалъ внесенію въ Государственный Совѣтъ не ожидая окончанія работъ по составленію гражданскаго уложенія. Разъ проектъ вотчиннаго устава станетъ закономъ, то къ распространенію его на губерніи Привислинскія и Прибалтійскія не должно встрѣтиться препятствій, потому что какъ главныя основанія его, такъ и детальная разработка не представляютъ чего либо вполнѣ самобытнаго, а покоются на опытѣ примѣненія иноземныхъ кодексовъ, въ томъ числѣ Поль-

скаго уложенія и Прибалтійскаго свода. „Вотчинныя права на недвижимыя имѣнія вносятся въ вотчинныя книги“, говоритъ ст. 3 проекта уложенія (т. III), дѣлая ссылку на ипотечный уставъ 1818 г. ст. 5—9, 24 и Прибалтійскій Сводъ ст. 809—811, 944 и мн. др. Такимъ образомъ, право на недвижимость, внесенное въ вотчинную книгу, есть право вотчинное. Какія же права подлежатъ внесенію въ вотчинную книгу? Кромѣ точно обозначенныхъ въ ст. 1—права собственности и залога нуждаются въ ближайшемъ опредѣленіи „права въ чужомъ имуществѣ“; это опредѣленіе находится въ ст. 175: „къ вотчиннымъ правамъ въ чужомъ имуществѣ принадлежатъ: 1) наслѣдственное оброчное владѣніе, 2) пользовладѣніе, 3) сервитуты и 4) вотчинныя выдачи“. Всѣ эти права дѣйствующему нашему гражданскому закону (1 ч. X т.) не извѣстны въ устанавливаемомъ въ проектѣ видѣ, но они извѣстны мѣстнымъ законодательствамъ, и юри-

дическому быту, развивающемуся подъ дѣйствіемъ скудныхъ нормъ I ч. X т. Въ проектѣ эти права, по сравненію съ различными мѣстами Свода законовъ, пріобрѣтаютъ болѣе опредѣленный образъ, и это благодаря тому, что соотвѣтствующія положенія заимствованы готовыми изъ мѣстныхъ законодательствъ. Проектъ вмѣсто существующаго нынѣ описательнаго опредѣленія права собственности (ст. 420 ч. I т. X) даетъ намъ опредѣленіе сего права, какъ „права полнаго и исключительнаго господства лица надъ имуществомъ, на сколько это право не ограничено закономъ и правомъ другихъ лицъ“ (ст. 16). Формулировка эта не совпадаетъ съ опредѣленіями гражданскаго уложенія Ц. II. (ст. 544—„право собственности есть право пользоваться и распоряжаться вещами безъ всякого ограниченія, съ тѣмъ однако, чтобы не дѣлать изъ нихъ употребленія, законами или особыми правилами воспрещеннаго“) и Свода гр. уз. Приб.

губ. (ст. 707—„собственностью называется право полнаго обладанія вещью, т. е. право владѣть и пользоваться ею, извлекать изъ нея всевозможныя выгоды, распоряжаться ею и отыскивать ее обратно изъ посторонняго владѣнія установленнымъ на то порядкомъ"); тѣмъ не менѣе между мѣстными законами и проектомъ по этому вопросу нѣтъ несогласія въ опредѣленіи существа права собственности. Не найдемъ мы принципіальныхъ различій и въ правилахъ о способахъ пріобрѣтенія права собственности, за исключеніемъ вопроса о значеніи передачи движимыхъ вещей. Тогда какъ по проекту (ст. 98) право собственности на движимыя вещи возникаетъ со времени передачи, и взглядъ этотъ, имѣющій основанія въ нашемъ дѣйствующемъ законодательствѣ (ст. 1510 ч. I, т. X), раздѣляется и прибалтійскимъ сводомъ (ст. 799, 804), гражданское уложеніе Ц. П. признаетъ способомъ установленія права собственности и простое со-

глашеніе (ст. 711, 1606). Точное опредѣленіе момента перехода права собственности имѣетъ огромное практическое значеніе въ живомъ экономическомъ оборотѣ. Передача есть реально опредѣленный моментъ, доступный наблюденію, почему съ этимъ моментомъ удобнѣе связывать обоснованіе для правопреемника право собственности, чѣмъ выводить это право изъ простого соглашенія. Проектъ разрѣшаетъ сомнѣнія по разсматриваемому вопросу въ пользу передачи, и здѣсь спрашивается, возможно-ли достигнуть объединенія проекта съ гражданскимъ уложеніемъ Ц. П., потому что прибалтійскій сводъ по этому вопросу совпадаетъ съ проектомъ? Способы передачи формулированы въ уложеніи Ц. П. въ ст. 1606, такъ: „передача движимыхъ вещей совершается: или передачею самыхъ вещей; или передачею ключей отъ строеній, въ которыхъ онѣ находятся; или же *простымъ соглашеніемъ сторонъ, если передача не можетъ*

быть совершена во время самой продажи или если покупщикъ уже имѣлъ тѣ вещи въ своей власти по иному основанію". Для объединенія уложенія Ц. П. съ проектомъ пришлось бы выпустить подчеркнутыя слова. Примиреніе двухъ системъ было бы достигнуто уступкою со стороны мѣстнаго закона; оставлять контроверзу въ единомъ законѣ не приходится; нельзя удерживать въ Привислинскомъ краѣ правило Наполеонова кодекса въ вопросѣ о пріобрѣтеніи права собственности, сохраняя за этой нормой значеніе нормы партикулярной, ибо норма вовсе не проникнута національнымъ характеромъ и значеніе ея не чисто мѣстное: коммерческій оборотъ запада съ востокомъ требуетъ единства нормы, которой опредѣляется такой важный въ торговыхъ сношеніяхъ вопросъ, какъ вопросъ о моментѣ перехода права собственности; а единство гражданскаго закона Имперіи стоитъ того, чтобы пожертвовать правиломъ, цѣле-

сообразность котораго представляется сомнительною. Но пусть даже правило уложенія Ц. П. цѣлесообразнѣе правила проекта о необходимости передачи: тогда не слѣдуетъ отказываться отъ обсужденія вопроса о замѣнѣ принятой проектомъ системы системою Гражданскаго Уложенія.

Изъ прочихъ способовъ пріобрѣтенія права собственности заслуживаетъ вниманія давность владѣнія. Примѣненіе давности къ пріобрѣтенію права собственности на недвижимыя имущества ограничено въ проектѣ внесеніемъ недвижимыхъ имѣній въ вотчинныя книги: давности подлежатъ только имущества въ книги не внесенныя, а записанныя въ книгу подлежатъ давностному пріобрѣтенію лишь со времени смерти лица, значащагося по вотчинной книгѣ послѣднимъ собственникомъ имѣнія (ст. 166). Къ сожалѣнію, проектъ не въ достаточной степени усвоилъ условія давностнаго пріобрѣтенія собственности, признаваемыя

европейскими кодексами и нашими мѣстными законами: проектъ требуетъ непрерывнаго владѣнія въ теченіе закономъ установленнаго срока; правоосноваціе владѣнія (титулъ) не требуется; моментъ добросовѣстности касается только продолжительности владѣнія, превращающагося въ право собственности (ст. 167). Составители проекта остановились такимъ образомъ на полъ-дорогѣ, не принявъ въ проектъ одного изъ условій давности—титула владѣнія, и признавъ, что и недобросовѣстное владѣніе способно превратиться въ собственность. Между тѣмъ и сводъ прибалтійскій и уложеніе Ц. П. требуютъ для давности, сверхъ признаваемыхъ нашимъ дѣйствующимъ закономъ (ст. 533 ч. I т. X) условій, наличности титула и добросовѣстнаго характера владѣнія (прибалт. ст. 819 и 820; улож. Ц. П. ст. 2229). Давность представляетъ собою лишь коррективъ неправильнаго владѣнія; благодаря давности формально неправиль-

ное владѣніе превращается во владѣ-ніе правильное; посему помѣщать центръ тяжести единственно въ исте-ченіи времени и игнорировать титулъ и добросовѣстность владѣльца (его добрую вѣру) едва-ли желательно. Въ этомъ вопросѣ положенія проекта долж-ны подвергнуться воздѣйствію мѣст-ныхъ законовъ, и въ будущемъ общемъ уложеніи примѣненіе давности должно быть поставлено въ еще болѣе тѣсныя рамки, чѣмъ тѣ, въ какихъ оказывается давность владѣнія по проекту. Къ та-кому воздѣйствію мѣстныхъ законовъ на правила проекта о давности не должно встрѣтиться препятствій, тѣмъ болѣе, что проектъ отступилъ уже отъ дѣйствующаго закона, принявъ во вни-маніе, правда, только для исчисленія времени владѣнія, добросовѣстность или недобросовѣстность владѣльца.

Изъ принципіальныхъ положеній о правѣ собственности слѣдуетъ отмѣтить отношеніе проекта къ вопросу о вин-дикаціи движимости. Вызывающій въ

нашей практикѣ недоразумѣнія вопросъ объ ограниченіяхъ виндикаціи движимости въ случаѣ направленія сего иска противъ добросовѣстнаго пріобрѣтателя вещи разрѣшается проектомъ (ст. 12 и 36) соотвѣтственно современнымъ юридическимъ взглядамъ, выраженнымъ между прочимъ и въ прибалтійскомъ сводѣ (ст. 923), и въ уложеніи Ц. П. (ст. 2279, 2280). Здѣсь проектъ воспринимаетъ положеніе мѣстныхъ кодексовъ, не порывая, впрочемъ, связей съ направленіемъ нашей судебной практики, если не съ закономъ, о взглядахъ котораго существуютъ у теоретиковъ сомнѣнія.

Спбгу

VII.

Въ раздѣлѣ о правахъ въ чужомъ имуществѣ составителямъ проекта пришлось обратиться къ созданію новыхъ, съ точки зрѣнія дѣйствующаго законодательства, нормъ, которыя, какъ видно изъ ссылокъ въ объяснительной запискѣ, въ изобиліи почерпаются изъ иностранныхъ гражданскихъ кодексовъ.

Формы зависимаго владѣнія вообще не въ духѣ отечественнаго права, которое въ историческомъ своемъ развитіи стремится къ уясненію чистаго понятія собственности и заботится о ликвидаціи сложныхъ формъ землевладѣнія. Страннымъ поэтому представляется желаніе проекта возродить отживающія формы зависимаго владѣнія, по поводу которыхъ наше законодательство уже высказало свой приговоръ. Проектъ подробно останавливается на вѣчно наслѣдственныхъ арендахъ, на нашемъ чиншевомъ правѣ. Чиншевое право представляется у насъ

остаткомъ феодальныхъ отношеній, чуждыхъ нашей исторіи. Законъ 9 іюня 1886 г. направленъ къ упраздненію сельскихъ чиншевыхъ отношеній, вводя добровольный или принудительный выкупъ сельскихъ чиншевыхъ участковъ. Сколько извѣстно, разрабатывался и проектъ упраздненія городскихъ и мѣстечковыхъ чиншевыхъ отношеній. Не этого направленія придерживается проектъ: не отрицательная точка зрѣнія дѣйствующаго законодательства на чиншевыя отношенія преобладаетъ въ проектѣ, а живѣйшее желаніе облегчить созданіе этихъ отношеній. Въ Западной Европѣ чиншевыя—эмфитевтическія и суперфиціарныя—отношенія достались въ наслѣдство отъ римскаго права; и у насъ на западной окраинѣ эти отношенія развивались при существованіи феодальнаго строя частнаго права, отражавшаго въ себѣ политическій феодальный строй. Упраздненіе частноправныхъ феодальныхъ отношеній сопряжено было во Франціи и въ

Германіи съ самымъ глубокимъ потрясеніемъ формъ государственной жизни. И тамъ явилась потребность въ упрощеніи отношеній субъекта къ землѣ; въ удовлетвореніе этой потребности стали ломать исторически сложившіяся формы землевладѣнія. И у насъ Высочайшій указъ 28 октября (9 ноября) 1866 г. призналъ удержавшіяся во многихъ городахъ Царства Польскаго вотчинныя (доминіальныя) отношенія, возникшія въ прежніе вѣка несоотвѣтствующими современнымъ понятіямъ и потребностямъ, вслѣдствіе чего и постановлено было: „вотчинное (доминіальное) право казны, разныхъ учрежденій (институтовъ) и частныхъ лицъ на принадлежащіе имъ города отмѣняется на всегда, со всѣми истекающими изъ нихъ послѣдствіями“ (ст. I). Въ 1870 г. дѣйствіе означеннаго указа распространено было и на выкупъ всякаго рода безсрочныхъ чиншей, причемъ въ постановленіи учредительнаго комитета 12 (24) іюня 1870 г. ска-

зано: „установленіе на будущее время всякаго рода ограниченій и стѣсненій права собственности, какъ отношеній безсрочныхъ и выкупу не подлежащихъ, отнынѣ воспрещается“ (ст. 10). Положеніе о поземельномъ устройствѣ сельскихъ вѣчныхъ чиншевиковъ въ губерніяхъ западныхъ и бѣлорусскихъ отъ 9 іюня 1886 года проникнуто тѣмъ-же характеромъ, что и законоположенія, касающіяся чиншевыхъ отношеній въ польскихъ губерніяхъ: чиншевое владѣніе сельскими участками, добровольно или принудительно, подлежитъ упраздненію (ст. 676 кн. IV особ. прил. IX т. св. з. изд. 1902 г.). Такимъ образомъ, проектъ идетъ въ этомъ случаѣ въ направленіи какъ разъ обратномъ тому, какого держалось наше законодательство по отношенію къ губерніямъ польскимъ, западнымъ и бѣлорусскимъ. Правда, устанавливаемыя проектомъ положенія совпадутъ со ст. 1324—1334 прибалтійскаго свода; но это не мотивъ для введенія на

пространствѣ Имперіи чиншевыхъ отношеній, потому что условія землевладѣнія въ прибалтійскихъ губерніяхъ нельзя же считать образцовыми. Не вдаваясь въ критику соображеній, которыя даютъ составителямъ проекта основаніе отстаивать вѣчно-наслѣдственное арендное владѣніе, достаточно указать, что проектъ, вводя чиншевое право, создаетъ нѣчто новое лишь для дѣйствующаго общаго гражданскаго закона, съ точки же зрѣнія мѣстныхъ кодексовъ онъ возстановляетъ то, что въ западныхъ губерніяхъ и въ Царствѣ Польскомъ отошло въ область исторіи и что въ прибалтійскихъ губерніяхъ сохраняетъ силу дѣйствующей нормы. Если-бы поэтому правила проекта о вѣчно-наслѣдственныхъ арендахъ получили силу закона, что едвали можетъ быть признано желательнымъ, то „мѣстныя особенности“ не помѣшали-бы объединенію гражданскаго закона всей Имперіи. Наоборотъ, и въ томъ случаѣ, если бы будущее

уложеніе осталось вѣрнымъ законодательной политикѣ прошлаго вѣка и не восприняло бы въ себя статей о чиншевомъ правѣ, существующія нынѣ въ прибалтійскомъ сводѣ правила „о поземельномъ или постоянномъ оброкѣ“, какъ остатокъ отживающей старины, подлежали-бы упраздненію.

„Пользовладѣніе“ проекта (ст. 199—241) соотвѣтствуетъ „пожизненному или срочному владѣнію“ 1 ч. X т. (ст. 533 [1—13]) „пользовладѣнію“ Уложенія Царства Польскаго (ст. 578—624) и „пользованію“ прибалтійскаго свода (ст. 1199—1243), и подъ всѣми статьями проекта сдѣланы ссылки на соотвѣтствующія статьи французскаго гражданскаго кодекса и свода гражд. узак. губ. прибалтійскихъ. Слѣдовательно, если въ вопросѣ о пользовладѣніи проектъ и даетъ что либо новое въ сравненіи съ дѣйствующимъ закономъ, то эти дополненія нашего свода гражданскихъ законовъ не окажутся новостью для мѣстныхъ кодексовъ, и значитъ

правила проекта въ этомъ случаѣ только обобщаютъ всѣ дѣйствующія въ Имперіи законы о пользовладѣніи.

То-же слѣдуетъ сказать и о „сервитутахъ“. Неизвѣстный своду гражданскихъ законовъ терминъ поясняется въ проектѣ ссылкой на „право участія частнаго и права угодій“. Въ историческомъ развитіи нашего землевладѣнія не было такихъ настоятельныхъ поводовъ къ выработкѣ правилъ о сервитутахъ, какіе существовали въ Западной Европѣ. Съ измельчаніемъ землевладѣнія явилась и у насъ настоятельная необходимость въ правилахъ о восполненіи природныхъ условій одного участка таковыми же другого. Острый характеръ сервитутный вопросъ пріобрѣлъ у насъ въ западныхъ губерніяхъ, благодаря относительной густотѣ населенія и черезполосицѣ. Потребности практики лишь въ слабой степени удовлетворяются скудными указаніями свода законовъ гражданскихъ и отдѣльныхъ законовъ,

ОГПБ РУ

вызванныхъ реформой 1861 г. Проектируя правила о сервитутахъ, редакціонная комиссія воспользовалась готовымъ и приведеннымъ въ систему матеріаломъ свода гражд. уз. губ. прибалтійскихъ и уложеніемъ Царства Польскаго. Удовлетворительно-ли разрѣшены въ проектѣ задачи сервитутнаго права—это иной вопросъ. Для нашей цѣли достаточно констатировать, что для объединенія правилъ сервитутнаго права не встрѣтится препятствій со стороны мѣстныхъ кодексовъ, правила которыхъ отражаются въ проектѣ въ смыслѣ усвоенія не только матеріала, но и системы изложенія. Изъ свода гр. узак. губ. прибалт. почерпнуты составителями проекта правила о „вотчинныхъ выдачахъ“ (проектъ ст. 277—287, прибалт. свода ст. 1297—1319). Объяснительная записка не дѣлаетъ ссылокъ на уложеніе Царства Польскаго, но напрасно, потому что ст. 530 уложенія и 30 ст. постановленія учредительнаго комитета 12 (24) іюня 1870 г.

признаетъ существованіе того отношенія, которое германскому праву извѣстно подъ названіемъ Reallast, а въ прибалтійскомъ сводѣ подходитъ подъ общее понятіе поземельныхъ повинностей. И тутъ значитъ не встрѣтилось бы со стороны мѣстныхъ кодексовъ препятствій къ распространенію на западныя окраины будущаго уложенія.

Дѣйствующій нынѣ законъ о залогѣ издавна нуждался въ реформахъ. Вопросъ этотъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о вотчинной записке, и въ проектѣ вотчиннаго устава вопросъ этотъ разработанъ на основаніи обширныхъ матеріаловъ иностраннаго законодательства и нашей судебной практики. Въ раздѣлѣ о залогѣ недвижимаго имущества проектъ уложенія представляетъ почти дословную переписку тѣхъ статей о залогѣ, какія помѣщены въ проектѣ вотчиннаго устава. Послѣдній проектъ, какъ уже сказано, все еще остается проектомъ и правила о вотчинной записке все еще не введены

у насъ. Образцомъ для проектируемыхъ вотчинныхъ установленій послужили ипотечныя отдѣленія въ округѣ Варшавской судебной палаты и крѣпостныя отдѣленія въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Но вмѣстѣ съ организаціей ипотечной части въ проекты наши рецепированы и положенія матеріальнаго залогового права польскихъ и прибалтійскихъ губерній. И здѣсь ссылки, въ изобиліи приводимыя подъ статьями проекта, показываютъ, что усвоеніе уложенія западными окраинами не встрѣтитъ препятствія со стороны мѣстныхъ кодексовъ. Нѣкоторыя преобразованія, внесенныя въ прибалтійское право залога судебною реформою 1889 года, устранили причины, по которымъ это мѣстное право не могло бы быть усвоено всею территоріей будущаго уложенія.

Среди „особенныхъ видовъ поземельной собственности“ проектъ говоритъ о заповѣдныхъ имѣніяхъ и о надѣльныхъ земляхъ крестьянъ. Это два

типа землевладѣнія, проникнутаго сословнымъ характеромъ. Заповѣдныя имѣнія могутъ быть учреждаемы только потомственными дворянами, и дѣлятся на вѣчно-заповѣдныя и временно-заповѣдныя. Правила проекта о заповѣдныхъ имѣніяхъ, основаны на воспроизводимыхъ въ проектѣ соотвѣтствующихъ статьяхъ 1 ч. X т. изд. 1900 г. Съ упраздненіемъ понятія родовыхъ имуществъ правила о заповѣдномъ характерѣ недвижимыхъ имѣній могутъ найти большій просторъ для своего примѣненія, чѣмъ это наблюдается въ настоящее время. Хотя, въ силу 2 примѣч. ст. 2525 св. гр. уз. губ. прибалт., положеніе о заповѣдныхъ имѣніяхъ не распространяется на остзейскія губерніи, однако, здѣсь дѣйствуютъ правила о родовыхъ фиденкомиссахъ, напоминающія правила I ч. X т. о заповѣдныхъ имѣніяхъ. Это сходство могло-бы, конечно, облегчить распространеніе будущаго уложенія на прибалтійскія губерніи,

причемъ едва-ли бы оказалась надобность въ сохраненіи тѣхъ чисто мѣстныхъ особенностей, какія отличаютъ въ этомъ вопросѣ Лифляндію отъ Курляндіи и Эстляндіи и покоются на кодифицированномъ обычномъ правѣ. Возможность учрежденія заповѣдныхъ имѣній, не предусматриваемая уложеніемъ Ц. П., могла-бы быть распространена и на привислинскія губерніи, отъ чего мѣстное дворянство ничего не потеряло-бы. Условія обращенія недвижимыхъ имѣній въ заповѣдныя (ст. 438 проекта), что касается размѣра имѣнія и приносимаго имъ дохода— такъ серьезны, что могутъ касаться сравнительно очень небольшого круга лицъ, и правила о заповѣдныхъ имѣніяхъ, какъ разсчитанныя на потомственныхъ только дворянъ, не могутъ имѣть общаго значенія.

Въ совершенно особомъ положеніи находится вопросъ о крестьянскомъ владѣніи надѣльными землями. Проектъ (ст. 466) выставляетъ

слѣдующее положеніе: „Крестьяне, въ отношеніи принадлежащихъ имъ земель, подчиняются *общимъ* правиламъ, съ нижеслѣдующими изъятіями". Разсмотрѣніе „изъятій" показываетъ, что именно *общія* правила къ крестьянскому землевладѣнію не примѣнимы. Два типа крестьянскаго землевладѣнія признаются проектомъ, который повторяетъ въ этомъ случаѣ правила дѣйствующаго, какъ извѣстно, очень скуднаго законодательства: при *подворномъ* правѣ какъ усадебныя, такъ и полевыя земли составляютъ собственность отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ, а при *общинномъ* правѣ собственность крестьянскихъ семействъ составляютъ только усадьбы, а полевыя земли принадлежатъ сельскому обществу, причемъ полевые участки находятся во владѣніи отдѣльныхъ крестьянскихъ семействъ (ст. 468). Признаваемое за крестьянами право собственности на надѣлъ является правомъ своеобразнымъ; оно не сопровождается вотчин-

ной запиской; оно принадлежитъ коллективному субъекту семьѣ, однако, не на правѣ общей собственности; оно не можетъ быть отчуждено въ пользу лица, не принадлежащаго къ составу даннаго крестьянскаго общества; и хотя (ст. 479) съ переходомъ въ другое сословіе владѣльцы, бывшіе крестьяне, и не утрачиваютъ своего права на надѣльную землю, однако, въ отношеніи распоряженія и пользованія надѣломъ подчиняются постановленнымъ для крестьянъ правиламъ; наконецъ, это своеобразное право собственности не подлежитъ отчужденію въ порядкѣ публичной продажи по какимъ бы то ни было взысканіямъ; значитъ, это и не есть право собственности, какъ оно опредѣляется ст. 16 и 19 проекта. Конечно, составители проекта гражданскаго уложенія не могли не остановиться на вопросѣ о владѣніи крестьянъ надѣлами; но въ виду пересмотра положеній о крестьянахъ въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, нѣтъ основанія

думать, чтобы въ соотвѣтствующихъ статьяхъ проекта мы имѣли дѣло съ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса о формахъ крестьянскаго землевладѣнія. Если, что представляется наиболѣе правдоподобнымъ, крестьянское землевладѣніе и не будетъ подчинено общимъ правиламъ будущаго уложенія, то это обстоятельство не можетъ служить препятствіемъ къ распространенію уложенія на всю территорію Имперіи, потому что къ крестьянамъ привислинскихъ и прибалтійскихъ губерній, гдѣ вопросъ крестьянскій былъ разрѣшенъ въ свое время особыми законодательными актами, постановленія будущаго уложенія о крестьянскомъ землевладѣніи не найдутъ примѣненія. Но, разумѣется, въ интересахъ объединенія нормъ гражданскаго права крестьянъ было-бы желательно, чтобы при пересмотрѣ крестьянскихъ положеній приняты были въ соображеніе и своеобразныя нормы крестьянскаго права прибалтійскихъ губерній.

Относимыя проектомъ къ вотчиннымъ правамъ авторское право, привилегіи на изобрѣтенія, права на фирму и товарные знаки разработаны въ проектѣ на почвѣ матеріаловъ дѣйствующихъ нашихъ законовъ по симъ вопросамъ (2 прим. прил. ст. 420 ч. I. т. X, уставъ о промышл. 2 ч. XI т., положеніе о привилегіяхъ 1896 г.) и иностранныхъ законодательствъ. Мѣстные кодексы своихъ самостоятельныхъ положеній по этимъ вопросамъ не имѣютъ, почему соотвѣтствующія постановленія будущаго гражданскаго уложенія по необходимости найдутъ примѣненіе въ Привислинскомъ и Прибалтійскомъ краѣ.

Общій выводъ по вопросу объ объединеніи въ будущемъ уложеніи всѣхъ нормъ, посвященныхъ вотчиннымъ правамъ, представляется еще болѣе благопріятнымъ, чѣмъ относительно нормъ семейственнаго права: не существуетъ принципіальныхъ различій въ строѣ вотчинныхъ правъ, проектируемыхъ

редакціонной комиссіей, и въ соотвѣтствующихъ постановленіяхъ мѣстныхъ кодексовъ, а значитъ не существуетъ и препятствій къ распространенію этой части будущаго уложенія на наши западныя окраины.

СПбГУ

Ни въ одной части своей работы составителямъ проекта не пришлось сдѣлать столько отступленій отъ дѣйствующаго гражданскаго закона, какъ въ проектѣ наслѣдственнаго права, и отступленія эти произведены въ направленіи, приближающемъ наше будущее наслѣдственное право къ законамъ о наслѣдованіи въ европейскихъ кодексахъ. Разъ сочтено возможнымъ для нынѣшней территоріи 1 ч. X т. отказаться отъ дѣйствующаго закона о наслѣдованіи, то почему, спрашивается, мѣстныя системы наслѣдованія не подлежать измѣненію въ смыслѣ объединенія законовъ о наслѣдованіи для всей Имперіи?

Но ближайшее разсмотрѣніе проекта показываетъ, что нормы мѣстныхъ кодексовъ, касающіяся наслѣдованія, при распространеніи уложенія на всю Имперію подвергнутся измѣненіямъ въ гораздо меньшей степени, чѣмъ правила 1 ч. X т. св. зак.

РГБУ

Основными вопросами наслѣдственнаго права является вопросъ о томъ, въ силу какихъ основаній данное лицо можетъ оказаться наслѣдникомъ, и вопросъ о томъ, каково юридическое положеніе наслѣдника, принявшаго наслѣдство?

Какъ и дѣйствующій законъ, проектъ знаетъ только два основанія призванія къ наслѣдованію—законъ и завѣщаніе; оба эти основанія фигурируютъ и въ уложеніи Царства Польскаго, а въ прибалтійскомъ сводѣ къ нимъ присоединяется еще и третье основаніе— договоръ о наслѣдованіи (ст. 2481 и сл.). Если это основаніе имѣетъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ часто повторяющееся примѣненіе, то правила о договорѣ о наслѣдованіи могли бы, въ качествѣ мѣстнаго изъятія, быть внесены въ будущее общее уложеніе; въ противномъ случаѣ возможно было бы обойтись правилами о завѣщаніяхъ.

Порядокъ призванія кровныхъ род-

ственниковъ къ наслѣдованію въ проектѣ, отступая отъ дѣйствующаго закона, приближается къ порядку уложенія Царства Польскаго и прибалтійскаго свода, не совпадая однако ни съ одной изъ этихъ системъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ дѣйствуетъ, порядокъ, установленный 118 новеллой Юстиніана, но съ измѣненіями въ интересахъ пережившихъ супруговъ (ст. 1705): пережившій супругъ вообще получаетъ часть наслѣдства, равную дѣтскимъ (сыновнимъ) частямъ. Въ подробностяхъ это положеніе подлежитъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ мѣста жительства (Эстляндія, Лифляндія, Курляндія, городскія и земскія права) и сословія наслѣдующихъ и наслѣдодателей; благодаря этимъ условіямъ система наслѣдованія въ прибалтійскихъ губерніяхъ отличается чрезвычайной сложностью. Существованіе этихъ партикуляризмовъ можетъ развѣ тѣшить узкое чувство локальнаго патріотизма, который, впрочемъ,

могъ бы найти себѣ выходъ въ завѣщаніяхъ, соотвѣтствующихъ теперешнимъ губернскимъ законамъ и постановленіямъ, дѣйствующимъ въ городахъ Прибалтійскаго края. Въ боковыхъ линіяхъ прибалтійскій сводъ не устанавливаетъ какого-либо предѣла для призванія къ наслѣдованію (ст. 1880). По уложенію Царства Польскаго къ наслѣдованію призываются 1) дѣти и ихъ нисходящіе (ст. 745), 2) родители и ихъ нисходящіе (ст. 748, 751), 3) восходящіе (ст. 746), 4) боковые родственники до двѣнадцатой степени включительно. По проекту всѣ наслѣдники раздѣляются на шесть разрядовъ: первый разрядъ, заключающій въ себѣ нисходящихъ, совпадаетъ съ первымъ классомъ прибалтійскаго свода и уложенія Царства Польскаго; второй разрядъ, обнимающій родителей, братьевъ и сестеръ съ ихъ нисходящими, совпадаетъ со вторымъ классомъ уложенія Царства Польскаго, но шире второго прибалтійскаго класса, въ коемъ къ наслѣдо-

ванію изъ нисходящихъ боковой линіи призываются только племянники; третій классъ составляютъ дѣды и бабки съ ихъ нисходящими; въ четвертомъ наслѣдуютъ прадѣды и прабабки съ ихъ нисходящими; въ пятомъ прапрадѣды и прапрабабки съ ихъ нисходящими, въ шестомъ—прапрапрадѣды и прапрапрабабки съ ихъ нисходящими. Далѣе шестого разряда наслѣдство не переходитъ (ст. 16); но это не значитъ, чтобы проектъ, подобно уложенію Царства Польскаго, ограничивалъ право на наслѣдованіе какою либо степенью; напротивъ, какъ и въ прибалтійскомъ сводѣ, степень родства наслѣдника безразлична, лишь-бы наслѣдникъ не выходилъ за предѣлы шестого разряда. Система проекта, приближаясь къ системѣ уложенія Царства Польскаго въ наслѣдованіи кровныхъ родственниковъ, ставитъ пережившаго супруга въ несравненно лучшее положеніе, чѣмъ то, какое отводится ему въ привислинскихъ губерніяхъ: переживши супругъ въ

проектѣ конкуррируетъ съ наслѣдниками первыхъ трехъ разрядовъ и оттѣсняетъ наслѣдниковъ остальныхъ разрядовъ, тогда какъ по уложенію Царства Польскаго (ст. 767) переживший супругъ наслѣдуетъ послѣ всѣхъ родственниковъ и даже послѣ внѣбрачныхъ дѣтей. Такимъ образомъ, проектъ заимствуетъ и изъ уложенія, и изъ прибалтійскаго свода очень важныя постановленія, измѣняющія наслѣдственныя права пережившаго супруга, восходящихъ и боковыхъ по дѣйствующему закону. Разумѣется, между проектомъ и мѣстными кодексами нѣтъ полнаго сходства, но нѣтъ этого сходства и между проектомъ и I ч. X т., а въ такомъ случаѣ не представляется-ли настоящій моментъ благопріятнымъ для того, чтобы выработать одну общую систему наслѣдованія по закону, которая замѣняла бы собою пестроту прибалтійскаго свода и создала бы для пережившаго супруга болѣе сносное положеніе, чѣмъ то, какое существуетъ у

ЮРИД
КА

насъ по I ч. X т. и въ привислинскихъ губерніяхъ? Системѣ наслѣдованія по проекту, конечно, слѣдуетъ отдать предпочтеніе предъ системой мѣстныхъ кодексовъ, и кажется, если бы система проекта стала общею, то въ томъ-же направленіи, въ какомъ разрѣшенъ здѣсь вопросъ о наслѣдованіи переживщаго супруга, нужно было-бы разрѣшить и вопросъ объ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ при жизни ихъ, потому что нельзя признать послѣдовательности въ усвоеніи пережившему супругу правъ на имущество ранѣе умершаго супруга, между тѣмъ какъ при существованіи брака имущественныя отношенія супруговъ построены были по типу раздѣльности.

Проектъ улучшаетъ участь внѣбрачныхъ дѣтей, создавая и для нихъ право наслѣдованія послѣ родителей (ст. 22). Это ново для I ч. X т., но не ново для нашего юридическаго со знанія, послѣ изданія закона 3 іюля 1902 г., не ново и для мѣстныхъ гражданскихъ

законовъ. Правда, уложеніе Царства Польскаго даетъ наслѣдственныя права внѣбрачнымъ дѣтямъ только признаннымъ ихъ родителями (ст. 756), а прибалтійскій сводъ (ст. 1872) предоставляетъ наслѣдственныя права внѣбрачнымъ дѣтямъ только послѣ ихъ матери, но не послѣ отца. Нужно полагать, что точка зрѣнія проекта, находящая себѣ опору въ направленіи новѣйшаго нашего законодательства, должна была-бы возобладать надъ постановленіями мѣстныхъ кодексовъ.

Объединенію формъ составленія завѣщаній можетъ содѣйствовать распространяющееся на всю Имперію Положеніе о нотаріальной части, что касается завѣщаній нотаріальныхъ, публичныхъ. Правила же о составленіи домашнихъ завѣщаній различны въ дѣйствующихъ гражданскихъ кодексахъ. Уложеніе Царства Польскаго допускаетъ домашнюю форму завѣщанія въ видѣ такъ называемаго олографическаго завѣщанія (ст. 969), т. е. соб-

Elibu

ственноручнаго, а прибалтійскій сводъ воспроизводитъ по этому вопросу правила римскаго права о составленіи завѣщаній, правда, съ нѣкоторыми измѣненіями. Правила прибалтійскаго свода приближаются къ правиламъ I ч. X т., хотя послѣднія вообще менѣе подробны, чѣмъ правила прибалтійскаго закона. Проектъ воспроизводитъ правила дѣйствующаго нашего закона, что̀ для будущаго уложенія представляется явно недостаточнымъ. Римскія правила прибалтійскаго свода могли-бы найти себѣ мѣсто въ будущемъ уложеніи, за исключеніемъ, разумѣется, допускаемаго этимъ сводомъ словеснаго завѣщанія. Важное отступленіе отъ дѣйствующаго закона въ направленіи, приближающемъ проектъ къ мѣстнымъ и европейскимъ кодексамъ, сдѣлано редакціонной комиссіей по вопросу о свойствѣ имуществъ завѣщаемыхъ. Нынѣшнее (ст. 1068 ч. I т. X) запрещеніе завѣщать родовыя имущества устранено проектомъ, которому чуждо

и самое раздѣленіе имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя, какъ чуждо оно и уложенію Царства Польскаго; но въ прибалтійскомъ сводѣ раздѣленіе имуществъ на наслѣдственныя (родовыя) и благопріобрѣтенныя существуетъ (ст. 1995—2004). Упраздненіе дѣленія имуществъ на родовыя и благопріобрѣтенныя въ проектѣ уложенія должно повлечь за собою, для объединенія закона, и упраздненіе этого раздѣленія въ прибалтійскомъ сводѣ, гдѣ и самое раздѣленіе это не имѣетъ столь существеннаго значенія, какъ въ дѣйствующемъ законѣ. Проектъ разстается съ существующей доселѣ фикціей рода; если въ прибалтійскихъ губерніяхъ понятіе рода и родовая связь еще живы, то они и могли-бы сохраниться на будущее время въ формѣ установленія заповѣдныхъ имѣній, что допускается и проектомъ. Устанавливаемая проектомъ обязательная доля (ст. 121—143) въ сильнѣйшей мѣрѣ обезпечиваетъ интересы ближайшихъ пред-

ставителей рода—членовъ семьи, чѣмъ запрещеніе завѣщать родовыя имущества. Постановленія о незавѣщаемости родовыхъ имуществъ легко могутъ быть обходимы путемъ измѣненія характера имущества, превращеніемъ родового въ благопріобрѣтенное. Если же владѣлецъ имущества не прибѣгаетъ къ этой мѣрѣ, то неужели фикція интересовъ рода можетъ служить для него объясненіемъ того явленія, что какой-нибудь внучатый племянникъ имѣетъ больше правъ на имущество владѣльца, чѣмъ его жена? Провозглашая свободу завѣщательныхъ распоряженій, проектъ защищаетъ членовъ семьи отъ произвола завѣщателя, вводя въ будущее уложеніе категорію „необходимыхъ наслѣдниковъ“. Самое понятіе необходимыхъ наслѣдниковъ доселѣ чуждо нашему дѣйствующему закону, но оно извѣстно уложенію Царства Польскаго и Своду гражд. узак. губ. прибалтійскихъ. Разница между проектомъ и мѣстными законами касается лишь опредѣленія

круга лицъ, признаваемыхъ необходимыми наслѣдниками: по проекту (ст. 121) необходимыми наслѣдниками оказываются нисходящіе и переживший супругъ, а также родители—за отсутствіемъ у наслѣдодателя нисходящихъ; по уложенію Царства Польскаго (ст. 235) право необходимаго наслѣдованія признается лишь за пережившимъ супругомъ, а по прибалтійскому своду (ст. 2005) на обязательную долю имѣютъ право нисходящіе, за отсутствіемъ ихъ восходящіе, а при извѣстныхъ условіяхъ братья и сестры. Такимъ образомъ, объединеніе мѣстныхъ системъ необходимаго наслѣдованія съ порядкомъ проекта не можетъ встрѣтить на пути къ осуществленію своему серьезныхъ препятствій.

Въ вопросѣ о послѣдствіяхъ принятія наслѣдства проектъ слѣдуетъ системамъ мѣстныхъ кодексовъ, основывающихся въ этомъ вопросѣ на римскомъ правѣ: подобно уложенію Царства Польскаго (ст. 769) и прибалтій-

СПбГУ

скому своду (ст. 2649) проектъ вводитъ у насъ (ст. 188) принятіе наслѣдства по описи—beneficium inventarii, вслѣдствіе чего и отвѣтственность наслѣдника за долги наслѣдодателя, въ противоположность дѣйствующему нашему закону (ст. 1259 ч. I т. X), оказывается ограниченной. Равнымъ образомъ, ст. 193 проекта вводитъ въ будущее уложеніе римское beneficium separationis, извѣстное и прибалтійскому своду (ст. 2658).

При совпаденіи основныхъ правилъ о наслѣдованіи въ проектѣ и въ мѣстныхъ кодексахъ для установленія единаго закона о наслѣдственномъ правѣ остается подвергнуть пересмотру детальныя постановленія уложенія Царства Польскаго, прибалтійскаго свода и проекта: въ результатѣ такого пересмотра безъ особенныхъ затрудненій возможно будетъ, если не распространить систему проекта въ нынѣшнемъ ея видѣ, на Привислинскую и При-

балтійскую окраины, то выработать такую систему, которая будетъ близка къ мѣстнымъ кодексамъ, и такъ-же далека отъ I ч. т. X, какъ и проектъ.

СПбГУ

IX.

Ни въ одной изъ своихъ частей различные гражданскіе кодексы не отличаются такимъ сходствомъ, какъ въ отдѣлахъ, посвященныхъ изложенію обязательственнаго права. Разработанное римскими юристами ученіе объ обязательствахъ лежитъ въ основаніи современнаго обязательственнаго права, и не только тѣхъ обязательственныхъ отношеній, которыя извѣстны были римскому праву, но и тѣхъ, которыя составляютъ продуктъ новѣйшаго правосознанія. Эта такъ сказать космополитическая основа обязательственнаго права разныхъ народовъ содѣйствуетъ объединенію юридическихъ взглядовъ въ общихъ основахъ ученія объ обязательствахъ и даже въ характеристикѣ отдѣльныхъ обязательственныхъ отношеній. Объединеніе законовъ объ обязательствахъ достигается гораздо легче, чѣмъ объединеніе другихъ частей гражданскаго законодательства, въ которыхъ съ боль-

шею или меньшею интенсивностью проявляются историческія особенности происхожденія соотвѣтствующихъ нормъ. Такъ, въ Швейцаріи, гдѣ не существуетъ единаго гражданскаго кодекса, но каждый кантонъ руководствуется своимъ гражданскимъ законодательствомъ, послѣ пересмотра конституціи 1874 г. явилась возможность созданія федеральныхъ законовъ, обязательныхъ во всѣхъ кантонахъ; въ области гражданскаго права объединеніе федеральнаго законодательства возникло на почвѣ обязательственнаго права, и съ 1 января 1883 г. въ Швейцаріи дѣйствуетъ Code fédéral des obligations. Въ Германіи, до изданія нынѣшняго уложенія, объединены были, если не формально, то матеріально нѣкоторыя части обязательственнаго права. Нормы обязательственнаго права—это по преимуществу нормы повседневнаго гражданскаго оборота, нормы, регулирующія тѣ отношенія, которыя доступны всѣмъ и каждому, и извѣдать примѣненіе ко-

торыхъ приходится каждому раньше, чѣмъ нормы какой-либо иной области права. Заемъ, купля, наемъ вездѣ подлежатъ сходнымъ правиламъ, независимо отъ того, подъ какимъ небомъ развиваются эти отношенія; обязанность вознаградить потерпѣвшаго за вредъ и убытки вытекаетъ изъ правосознанія каждаго индивидуума, безотносительно къ положительному праву, которое лишь санкціонируетъ пользующіеся общимъ признаніемъ взгляды. Сходство понятій имѣетъ своимъ послѣдствіемъ и сходство системы изложенія законовъ объ обязательствахъ въ гражданскихъ кодексахъ. При внутреннемъ-же и при внѣшнемъ сходствѣ объединеніе законовъ объ обязательствахъ на пространствѣ одной и той-же государственной территоріи само собою напрашивается.

Проектъ излагаетъ ученіе объ обязательствахъ въ трехъ раздѣлахъ, давая въ первомъ раздѣлѣ (ст. 4—183) характеристику договора, какъ главнаго основанія обязательственныхъ отно-

шеній, изображая затѣмъ во второмъ раздѣлѣ (ст. 184—1044) отдѣльныя договорныя обязательства и посвящая третій раздѣлъ (ст. 1045—1106) правиламъ объ „обязательствахъ, возникающихъ не изъ договоровъ“. Общее количество статей этой части проекта (1106), не смотря на то, что въ проектѣ введены вопросы, относимые обыкновенно къ законамъ торговымъ, значительно меньше количества статей въ Сводѣ гражд. узаконеній губ. прибалтійскихъ (1604), но приближается къ количеству статей въ уложеніи Царства Польскаго (958). Если принять въ разсчетъ, что въ прибалтійскомъ сводѣ на общее ученіе объ обязательствахъ отведено свыше семисотъ статей, то можетъ показаться, что въ этомъ источникѣ дается болѣе детальная разработка матеріала, чѣмъ въ соотвѣтствующихъ частяхъ другихъ кодексовъ; но такое заключеніе было бы ошибочно: огромное число статей IV книги прибалтійскаго

свода объясняется тѣмъ, что сюда внесены общія ученія не только объ обязательствахъ, но и общія ученія, находящія себѣ обыкновенно мѣсто въ такъ называемой „общей части“ каждаго гражданскаго кодекса. Этимъ способомъ, не нарушая системы 1 ч. X т., въ прибалтійскомъ сводѣ замаскирована общая часть кодекса. Въ настоящее время, въ случаѣ усвоенія будущаго уложенія территоріей прибалтійскаго свода, матеріи общей части обязательственнаго права могли бы найти себѣ явное мѣсто въ „общихъ положеніяхъ“. Такого порядка изложенія придерживается Германское уложеніе, гдѣ теорія договора нашла себѣ мѣсто въ ученіи о юридическихъ сдѣлкахъ вообще. Этимъ достигается большая экономія въ числѣ статей, а чѣмъ менѣе обширенъ кодексъ, тѣмъ онъ удобнѣе при примѣненіи его въ жизни.

Въ общихъ положеніяхъ излагаются лишь принципы, извлеченные изъ спеціальныхъ ученій. Значитъ, если

спеціальныя ученія одного кодекса, въ частности спеціальныя изображенія отдѣльныхъ обязательствъ, совпадаютъ съ таковыми же въ другихъ кодексахъ, то совпадутъ и „общія части“. Совпадаютъ-ли, и въ чемъ именно, обязательственныя отношенія проекта съ обязательствами прибалтійскаго свода и уложенія Царства Польскаго? Подъ каждою статьею проекта „обязательствъ“, какъ и въ другихъ частяхъ проекта сдѣланы обильныя ссылки на самые разнообразные гражданскіе кодексы, во главѣ коихъ неизмѣнно фигурируютъ сводъ гражд. узакон. губ. прибалтійскихъ и французское гражд. уложеніе, или, что то же, гражданскій кодексъ Царства Польскаго.

Въ статьяхъ о продажѣ (теперешняя „купля-продажа“) ссылки на эти два кодекса отсутствуютъ лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда соотвѣтствующая статья касается вопроса коммерческаго характера, что, однако, вовсе не означаетъ того, чтобы выражаемыя проектомъ положе-

нія противорѣчили мѣстнымъ кодексамъ. Такъ, напр. подъ ст. 228 проекта, говорящей о безповоротности пріобрѣтенія движимости добросовѣстнымъ покупщикомъ, нѣтъ ссылки на прибалтійскій сводъ; но ссылка на соотвѣтствующія статьи этого свода (923—926) уже сдѣлана подъ 12 и 36 статьями проекта „вотчиннаго права", такъ что въ настоящемъ случаѣ, провозглашая безповоротность пріобрѣтенія движимости добросовѣстнымъ покупщикомъ, проектъ не создастъ нормы, неизвѣстной прибалтійскимъ законамъ. Впрочемъ, статьи проекта, говорящія о переходѣ права собственности (ст. 224—228) въ силу продажи, едва-ли умѣстны въ будущемъ уложеніи въ раздѣлѣ объ обязательствахъ, разъ проектъ разсматриваетъ продажу съ обязательственной ея стороны, а не какъ способъ пріобрѣтенія права собственности. Съ этой же точки зрѣнія представляется не совсѣмъ понятнымъ переносъ изъ 1 ч. X т. статей, говоря-

щихъ о запродажѣ: хотя подъ этими статьями (236—240) никакихъ иныхъ ссылокъ, кромѣ ссылокъ на статьи 1 ч. X т., и не сдѣлано, однако понятіе запродажи не можетъ считаться чуждымъ мѣстнымъ кодексамъ (Улож. Царства Польскаго ст. 1589, 1590; прибалт. сводъ ст. 3364—3366). Мѣстныя особенности права нѣкоторыхъ городовъ въ вопросѣ о задаткѣ (ст. 3363) вовсе ужъ не составляютъ чего то столь важнаго, чтобы изъ-за нихъ въ будущее уложеніе стоило вносить спеціальную статью.

Въ вопросѣ о наймѣ имущественномъ, въ особенности въ вопросѣ объ арендѣ, наблюдается больше мѣстныхъ особенностей, чѣмъ въ вопросѣ о продажѣ, что и понятно въ виду того, что вопросъ этотъ, тѣсно связанный съ землевладѣніемъ, представляетъ, вообще, удобную почву для развитія своеобразныхъ экономическихъ взглядовъ. Проектъ воспринялъ въ особенности изъ прибалтійскаго свода нѣсколько основ-

ныхъ положеній, чуждыхъ дѣйствующему нашему закону. Срокъ аренды продолженъ съ 12 до 36 лѣтъ, а по исключенію—для устройства фабрикъ и заводовъ—даже до 90 лѣтъ (ст. 279 пр.). До истеченія срока договоръ аренды оказывается обязательнымъ, хотябы арендуемое имѣніе и перешло къ новому собственнику (ст. 321); такъ разрѣшена проектомъ контроверза о вліяніи пріобрѣтенія арендуемаго имѣнія новымъ собственникомъ; хотя такой-же взглядъ и установился въ нашей судебной практикѣ, однако, въ законѣ доселѣ нѣтъ твердой почвы для разрѣшенія этого вопроса въ указанномъ направленіи. Прибалтійскій сводъ разрѣшаетъ вопросъ въ смыслѣ принятомъ проектомъ (ст. 4126), но на тотъ лишь случай, когда контрактъ внесенъ въ ипотечныя книги; а когда этотъ контрактъ не внесенъ въ вотчинныя книги, почему и не отличается вотчиннымъ характеромъ, то судьба арендатора зависитъ отъ произвола владѣль-

ца. Усвоеніе арендному владѣнію до извѣстной степени вещнаго характера не мирится съ этимъ рѣшеніемъ, и нельзя не отдать предпочтенія разрѣшенію этого вопроса въ уложеніи Царства Польскаго, гдѣ ст. 1743 постановляетъ: „если наймодавецъ продастъ вещь, въ наемъ отданную, то пріобрѣтатель не можетъ удалить арендатора, либо наемщика, имѣющаго оффиціальный актъ найма, либо частный актъ, день совершенія котораго достовѣренъ, развѣ-бы наймодавецъ удержалъ это право за собою по договору найма". Не находитъ себѣ оправданія съ точки зрѣнія имущественнаго характера договоръ аренды по положенію Прибалтійскаго свода (ст. 4113), въ силу котораго договоры объ отдачѣ въ аренду вотчинъ въ Лифляндіи и Эстляндіи не переходятъ на наслѣдниковъ. Этотъ, основанный на обычномъ правѣ, партикуляризмъ и въ сводѣ разсматривается, какъ изъятіе изъ общаго принципа ст. 4112, по силѣ которой

„смертью одной изъ сторонъ договоръ аренды или найма не прекращается“; но вѣдь это изъятіе по пространству своего примѣненія получаетъ преобладаніе надъ общимъ правиломъ. Можно-ли ставить отношеніе къ землѣ въ зависимость отъ такихъ чисто случайныхъ явленій, какъ смерть того или другого контрагента? Временная, въ предѣлахъ срока договора, прочность арендныхъ отношеній должна быть сохранена, какъ принципъ, отступать отъ котораго не возбраняется контрагентамъ лишь по взаимному ихъ согласію. Но если принципіально вопросъ рѣшается всѣми кодексами въ одинаковомъ смыслѣ, то къ объединенію законодательствъ въ этомъ вопросѣ и не должно встрѣтиться принципіальныхъ препятствій. Со стороны проекта сдѣланы, во всякомъ случаѣ, большіе шаги на пути къ усвоенію принциповъ мѣстныхъ кодексовъ въ вопросѣ объ арендѣ; а проявленіе мѣстныхъ осо-

бенностей могло-бы торжествовать въ спеціальныхъ пунктахъ договоровъ.

Особенности современнаго экономическаго строя придаютъ важное значеніе правиламъ о договорѣ личнаго найма. Соотвѣтствующія правила I ч. X т., проникнутыя патріархальнымъ характеромъ, явно неудовлетворительны въ настоящее время—при юридической свободѣ договаривающихся. И проектъ оставилъ точку зрѣнія дѣйствующаго закона, гдѣ договоръ личнаго найма проникнутъ характеромъ личнаго подчиненія одного контрагента личной власти другого, гдѣ предметомъ этого договора являются не столько услуги, сколько услуженіе. Проекту не чуждо раздѣленіе договора личнаго найма на договоръ объ услугахъ и договоръ о послугахъ, хотя этотъ сомнительнаго свойства терминъ прибалтійскаго свода въ проектѣ не принятъ. Проектъ излагаетъ личный наемъ въ двухъ раздѣлахъ: „личный наемъ вообще“ (ст. 393—426) и „наемъ домашней при-

слуги" (ст. 427—439); отдѣльно излагаются правила о „подрядѣ" (ст. 440—462) и о „перевозкѣ" (ст. 463—504). Такой-же порядокъ изложенія наблюдается въ уложеніи Царства Польскаго (ст. 1779 сл.) и въ сводѣ прибалтійскомъ (ст. 4172—4265). Достаточно отмѣтить это совпаденіе въ системѣ изложенія вопроса о наймѣ услугъ въ мѣстныхъ кодексахъ и въ проектѣ, чтобы признать, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ общими всѣмъ кодексамъ положеніями. При обобщенномъ разрѣшеніи вопроса договоръ работодателя съ рабочимъ долженъ обратить на себя большее вниманіе, чѣмъ сколько удѣляютъ ему кодексы, сложившіеся при условіяхъ прежняго времени. Если теперь въ проектѣ объединены правила мѣстныхъ кодексовъ, то можетъ быть достигнуто объединеніе и при болѣе широкой разработкѣ вопроса объ отношеніи между трудомъ и капиталомъ.

Было бы утомительно отмѣчать совпаденія мѣстныхъ кодексовъ съ про-

ектомъ по всѣмъ отдѣльнымъ обязательственнымъ отношеніямъ; эти совпаденія впрочемъ не отрицаются и самими составителями проекта, указывающими подъ каждою статьею будущаго уложенія соотвѣтствующія статьи мѣстныхъ и европейскихъ кодексовъ. И приводимыхъ примѣровъ достаточно для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что въ области обязательствъ объединеніе закона представляется вовсе не затруднительнымъ, по самому характеру тѣхъ отношеній, которыя являются общими не только племенамъ, населяющимъ Россію, но и всѣмъ вообще культурнымъ народамъ. Даже въ прибалтійскомъ сводѣ, такъ ревностно оберегающемъ мѣстныя особенности ничтожныхъ городковъ края, относительно обязательствъ не наблюдается той массы отступленій отъ общихъ принциповъ для каждой мѣстности, съ какою встрѣчаемся по вопросамъ наслѣдственнаго и семейнаго права. Примѣръ малень-

кой Швейцаріи, выработавшей общее обязательственное право для всѣхъ кантоновъ, заслуживаетъ подражанія и со стороны великаго государства.

СПбГУ

X.

Если отдѣльныя части проекта уложенія совпадаютъ или могутъ совпадать съ соотвѣтствующими частями мѣстныхъ кодексовъ, то совпадутъ и общія положенія будущаго уложенія (часть I, ст. 1—124) съ таковыми-же положеніями, извлекаемыми изъ спеціальныхъ частей мѣстныхъ кодексовъ. Въ „общую часть“ входятъ, съ одной стороны, такія матеріи, которыя, будучи общими каждой спеціальной части кодекса, являются, такъ сказать, величинами, вывыведенными за скобки; съ другой стороны, къ общей части относятся матеріи, не находящія себѣ мѣста въ спеціальныхъ частяхъ. Нашъ проектъ относитъ къ общимъ положеніямъ ученія о лицахъ, объ имуществахъ, о пріобрѣтеніи и прекращеніи правъ и объ охраненіи правъ.

Для гражданскаго кодекса достаточно было-бы опредѣлить начало и конецъ правоспособности, какъ это дѣ-

лаетъ Германское уложеніе. Но проектъ этимъ не ограничивается, а считаетъ необходимымъ выставить слѣдующія громкія положенія: „каждый признается способнымъ имѣть и пріобрѣтать гражданскія права, личныя и имущественныя, со дня рожденія и до смерти“ (ст. 1), „каждое лицо пользуется всѣми гражданскими правами безъ различія пола, вѣроисповѣданія, происхожденія и состоянія, съ тѣми лишь изъятіями, кои положительно указаны въ законѣ“ (ст. 2) и „каждый имѣетъ право селиться и жить, пріобрѣтать имущества всякаго рода и заниматься торговлею, ремеслами и промыслами, гдѣ пожелаетъ, съ тѣми лишь изъятіями, кои положительно указаны въ законѣ“ (ст. 3). Если эти положенія соотвѣтствуютъ дѣйствительности, въ такомъ случаѣ безъ нихъ можно свободно обойтись въ кодексѣ, гдѣ эти положенія будутъ представлять собою историческій слѣдъ иного уклада юридическихъ отношеній; если-же положенія эти не соотвѣтствуютъ

дѣйствительности, а это такъ и есть, какъ видно изъ ссылки на „изъятія, которыя положительно указаны въ законѣ“—то положенія эти представляютъ собою только громкія фразы, лишенныя правдиваго внутренняго содержанія; какъ таковыя, положенія эти подлежатъ исключенію изъ будущаго уложенія. „Положительно указываемыя въ законѣ изъятія“ служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что различія вѣроисповѣданія, происхожденія и состоянія являются еще для нашего гражданскаго закона моментами, оказывающими вліяніе на гражданскую правоспособность лица. Выразить это въ позитивной формѣ составители проекта не нашли удобнымъ, хотя это и соотвѣтствовало бы истинному положенію вещей, но нѣтъ надобности въ такомъ случаѣ выражать это и въ негативной формѣ со ссылкой на изъятія, потому что такія положенія кодекса не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Въ ученіи о субъектѣ права—главный камень

СПбГУ

преткновенія для созданія у насъ уложенія гражданскаго, какъ общаго для всѣхъ закона; но съ этой стороны нѣтъ препятствія къ объединенію мѣстныхъ кодексовъ съ общимъ, потому что вѣроисповѣданіе и состояніе (сословіе) принимаются въ соображеніе не только на территоріи дѣйствующаго нынѣ свода гражданскихъ законовъ—I ч. X т., но и на территоріи свода прибалтійскаго. Общность одного закона гражданскаго для всѣхъ, безотносительно къ происхожденію, вѣроисповѣданію и состоянію—это идеалъ, еще очень далекій отъ нашей дѣйствительности. Покамѣсть не разрѣшены задачи законодательной политики, обусловливающей существованіе ограничительныхъ для разныхъ группъ населенія законовъ, преждевременно было-бы вносить въ уложеніе такія общія нормы, въ рѣзкомъ разладѣ съ которыми развивается нашъ гражданскій оборотъ. Потребуется много времени, прежде чѣмъ наступитъ возможность отказаться отъ тѣхъ огра-

ничительныхъ законовъ, которые дѣйствуютъ въ настоящее время и которые находятъ себѣ объясненіе въ цѣляхъ, лежащихъ внѣ гражданскаго права. А до наступленія этого времени остается одно: нужно считаться съ обстоятельствами, вызвавшими созданіе ограничительныхъ законовъ, и нужно внести эти ограничительные законы въ будущее уложеніе въ формѣ мѣстныхъ или личныхъ изъятій изъ общихъ нормъ. По мѣрѣ достиженія намѣченныхъ законодателемъ цѣлей изъятія эти будутъ сглаживаться, пока совсѣмъ не исчезнутъ изъ нашей жизни. Обѣщать скорое исчезновеніе ограничительныхъ законовъ было-бы рискованно; но не нужно быть оптимистомъ для того, чтобы вѣрить лишь во временный характеръ этихъ законовъ: примѣры другихъ государствъ, далеко опередившихъ насъ въ культурномъ развитіи, показываютъ, что законы, касающіеся отдѣльныхъ группъ населенія, составляли историческую

форму развитія права. Настанетъ, конечно, время, когда ни происхожденіе, ни сословіе, ни вѣроисповѣданіе не будутъ считаться моментами, способными оказывать вліяніе на правоспособность лица, когда всѣ гражданскія права въ одинаковой мѣрѣ будутъ доступны всему населенію Имперіи; но едва-ли возможно признать теперь, не разрывая связей съ исторіей нашей законодательной политики, что время это уже настало. Ставъ на эту точку зрѣнія, не слѣдуетъ смотрѣть на задачу, возложенную на редакціонную комиссію, какъ на задачу неразрѣшимую. Правда, создать уложеніе, предполагающее равенство всѣхъ предъ всѣми законами, еще не удалось, и не скоро это удастся; но это не значитъ, что гражданское законодательство наше не требуетъ улучшеній и измѣненій; это не значитъ, чтобы намъ сознательно слѣдовало отказаться отъ возможности объединенія всѣхъ дѣйствующихъ въ Россіи гражданскихъ законовъ; напро-

тивъ, чѣмъ тѣснѣе, въ области гражданскаго права, будетъ связь между коренной Россіей и проникнутыми партикуляризмомъ областями, тѣмъ скорѣе возможно будетъ достигнуть освобожденія гражданскаго права отъ моментовъ, не имѣющихъ ничего общаго съ гражданскимъ оборотомъ. Объединеніе законовъ о лицахъ представляется достижимымъ въ такой же мѣрѣ, какъ и объединеніе спеціальныхъ правилъ, касающихся отдѣльныхъ правоотношеній. Внесенныя въ проектъ измѣненія дѣйствующихъ нынѣ законовъ объ имуществахъ, въ частности упраздненіе понятія родовыхъ имуществъ, понятія, которое затрудняло свободу имущественнаго оборота, устраняютъ препятствія къ объединенію общихъ положеній объ объектахъ гражданскаго права. Проектъ стремится установить чистое понятіе имущества безотносительно къ его происхожденію. Но это такъ же мало удается проекту, какъ и провозглашеніе правоспособности, безо-

тносительно къ происхожденію и состоянію лица. Вопросъ о наслѣдственномъ (родовомъ) происхожденіи недвижимыхъ имуществъ отпалъ, но остались различія имуществъ съ точки зрѣнія принадлежности владѣльцевъ къ тому или иному состоянію (сословію). Остались въ проектѣ заповѣдныя—дворянскія имущества, остались надѣльныя—крестьянскія земли. Соотвѣтствующія различія, какъ уже было показано выше, существуютъ и въ прибалтійскомъ сводѣ: значитъ, и въ этомъ вопросѣ наблюдается точка соприкосновенія между проектомъ и однимъ изъ мѣстныхъ кодексовъ, почему объединеніе этихъ законовъ не должно встрѣтить затрудненій. Правда, задача уложенія, какъ единаго общаго для всѣхъ закона, еще не будетъ разрѣшена, но дальнѣйшее стремленіе къ освобожденію понятія имущества отъ связывающихъ его историческихъ путъ можетъ получить общее направленіе, и въ результатѣ, хотя бы цѣною вре-

менныхъ изъятій, получится юридически чистое понятіе имущества, параллельно юридически чистому понятію личности.

Правила о пріобрѣтеніи и прекращеніи правъ общи всѣмъ кодексамъ. Различія могутъ наблюдаться въ подробностяхъ формъ, но не въ существѣ дѣла. Предвидѣть затрудненія въ объединеніи этихъ правилъ нѣтъ основанія. Уже и теперь Положеніе о нотаріальной части является общимъ закономъ. Съ принятіемъ проекта вотчиннаго устава, основаннаго въ большей части своихъ положеній на законахъ, дѣйствующихъ въ Прибалтійскомъ и Привислинскомъ краяхъ, отпадутъ основанія къ раздѣльному существованію матеріально общихъ законовъ, касающихся внѣшней стороны совершенія юридическихъ актовъ.

Вопросы объ охраненіи правъ разрѣшаются и въ проектѣ, и въ дѣйствующихъ кодексахъ на почвѣ теоретическихъ положеній. Подобно тому,

какъ въ области вопросовъ о возникновеніи правъ, объединяющимъ элементомъ можетъ оказаться Положеніе нотаріальной части, въ вопросахъ о защитѣ правъ объединеніе матеріальныхъ законовъ будетъ достигнуто на почвѣ единаго процессуальнаго права, что и выражается ст. 92 проекта (кн. I): „каждое гражданское право, въ случаѣ потребности въ его признаніи и охраненіи, пользуется судебною защитою. Порядокъ судебной защиты правъ опредѣляется въ законахъ судопроизводства". Процессуальное осуществленіе права въ проектѣ поставлено въ границы болѣе тѣсныя, чѣмъ тѣ, какія извѣстны дѣйствующему Своду гражданскихъ законовъ. Максимальнымъ и общимъ срокомъ является десятилѣтній (ст. 103); но въ то-же время проектъ допускаетъ, по примѣру уложенія Царства Польскаго и Прибалтійскаго свода, и болѣе короткіе сроки—въ два года (ст. 104) и пять лѣтъ (ст. 105). Уложеніе Царства Польскаго знаетъ и болѣе продол-

жительный срокъ—тридцатилѣтній (ст. 2262), но въ то же время и болѣе краткіе—шестимѣсячный и годичный. Значитъ проектъ, усвоивъ различные сроки исковой давности, не создастъ правилъ, неизвѣстныхъ мѣстнымъ кодексамъ, а потому примиреніе мѣстныхъ законовъ съ проектомъ въ вопросѣ объ исковой давности не встрѣтило бы затрудненій.

Приведенными чертами сходства проекта съ мѣстными законами не исчерпываются точки соприкосновенія будущаго уложенія съ окраинными кодексами. Было-бы утомительно вести сопоставленіе всѣхъ ученій проекта со всѣми соотвѣтствующими ученіями Прибалтійскаго свода и уложенія Царства Польскаго; но намѣченными совпаденіями въ достаточной мѣрѣ доказывается, что между проектомъ и мѣстными

СПбГУ

законами наблюдается больше черть сходства, чѣмъ несогласія, что въ принципіальной постановкѣ вопросовъ, за немногими исключеніями,—и проектъ и мѣстные кодексы согласны, и это не удивительно, если принять въ соображеніе, что проектъ прибѣгаетъ къ обширнымъ заимствованіямъ только изъ прибалтійскаго свода и изъ гражданскаго кодекса Царства Польскаго.

Итакъ, спрашивается, гдѣ же эти „многочисленныя особенности мѣстнаго права, которыя не дозволяютъ пока полнаго слѣянія его съ общими законами Имперіи“? Конечно, права какихъ нибудь Пильтена, Якобштадта, Фридрихштадта, Бауска и т. п. отличаются мѣстнымъ колоритомъ; но вѣдь это же не помѣшало включенію этихъ „мѣстныхъ правъ“ въ прибалтійскій сводъ, который въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи является общимъ гражданскимъ закономъ, по сколько не отмѣняется мѣстными изъятіями. Но для кого и для чего нужны

эти партикуляризмы? для жителей этихъ ничтожныхъ городковъ, чтобы тѣшить ихъ локальный патріотизмъ? Если Пильтенцы и жители другихъ славныхъ по историческимъ (мѣстнымъ) преданіямъ, но мало извѣстныхъ въ географіи Россіи городковъ и мѣстечекъ такъ ужъ привязаны къ своимъ мѣстнымъ партикулярнымъ правовымъ нормамъ, то культивированію этихъ мѣстныхъ особенностей не помѣшаетъ общее для всей Имперіи уложеніе, потому что всякій гражданскій кодексъ даетъ широкій просторъ самоопредѣленію частной воли; но тамъ, гдѣ призванъ дѣйствовать законъ въ качествѣ нормы, восполняющей недостающую частную волю, или не допускающей проявленія частной воли (jus quod pactis privatorum mutari nequit), тамъ долженъ дѣйствовать единый общій законъ, безотносительно къ тому, развивается-ли данное правоотношеніе подъ небомъ Пильтена и Фридрихштадта или въ Москвѣ. Въ сравненіи съ проектомъ

„мѣстныя особенности“ прибалтійскаго свода имѣютъ подчиненное значеніе даже и въ этомъ сводѣ, а самый сводъ, какъ общій законъ Прибалтійскаго края, настолько приблизился къ будущему уложенію, что, вопреки мнѣнію составителей проекта, есть достаточное основаніе утверждать, что время полнаго сліянія прибалтійскаго свода съ общими законами Имперіи уже настало. Объ уложеніи Ц. П. не можетъ быть возбуждаемо тѣхъ сомнѣній, какія умѣстны относительно прибалтійскаго свода. Наполеоновъ кодексъ не признаетъ партикуляризмовъ. Какъ законъ цѣлостный, онъ, наряду съ общими нормами свода гражданскихъ узаконеній губерній прибалтійскихъ, послужилъ образцомъ для составителей проекта будущаго уложенія; примиреніе его съ проектомъ не потребуетъ вовсе тѣхъ „жертвъ“, на какія обречено населеніе разныхъ прибалтійскихъ городковъ и мѣстечекъ. „Мѣстные законы губерній Царства Польскаго и прибал-

тійскихъ и по изданіи уложенія *должны* остаться въ силѣ", говоритъ объяснительная записка; но мѣстныя особенности бессарабскаго права, по мнѣнію составителей проекта, находятся въ особомъ положеніи: „онѣ оказываются не настолько многочисленными, чтобы не возможно было принять ихъ въ соображеніе при составленіи гражданскаго уложенія". Правда, бессарабскія особенности не такъ многочисленны, какъ прибалтійскія, потому что здѣсь нѣтъ той массы партикуляризмовъ, какая отличаетъ прибалтійскій сводъ; но въ рѣшеніи нѣкоторыхъ основныхъ вопросовъ гражданскаго права—въ области права семейнаго и наслѣдственнаго—здѣсь наблюдаются особенности, сохранившіяся отъ римско-византійскаго права. Слѣдовъ того, чтобы система имущественныхъ отношеній супруговъ и правила о наслѣдованіи, дѣйствующія доселѣ въ Бессарабіи, „приняты были въ соображеніе" при составленіи гражданскаго уложенія, въ

ОГБУ

проектѣ не обнаруживается; значитъ эти особенности поглотились и растворились въ общемъ законѣ. А особенности бессарабскаго права относятся къ той-же области, въ которой и прибалтійское право отличается своеобразными чертами и партикуляризмами: это право семейное и наслѣдственное. Въ сохраненіи бессарабскихъ особенностей такъ-же мало нужды и пользы, какъ и въ сохраненіи особенностей прибалтійскихъ, и разъ особенности бессарабскія упраздняются. почему же *должны* оставаться въ силѣ особенности прибалтійскія?

Откладывать полное сліяніе мѣстныхъ законовъ съ общими гражданскими законами Имперіи нѣтъ основаній. Уже и теперь въ Имперіи существуютъ матеріально общія, т. е. общія по своему содержанію, нормы гражданскаго права; эти нормы безъ всякаго затрудненія могутъ быть превращены и въ формально общія, т. е. должны войти въ единое для всей Имперіи

уложеніе. Сгладить неодинаковыя нормы—дѣло законодателя. Сгладить ихъ возможно, какъ показываетъ сопоставленіе проекта съ мѣстными кодексами; сгладить ихъ необходимо, это диктуется направленіемъ всей законодательной политики. Работа эта должна быть произведена теперь-же, не выжидая превращенія проекта уложенія въ законъ. Конечно, подобная работа отсрочитъ на нѣкоторое время изданіе уложенія. Но вѣдь проектъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ теперь, все равно подлежитъ переработкѣ, согласно Высочайшему повелѣнію 12 (26) мая 1882 г. Вотъ этимъ періодомъ переработки матеріаловъ проекта и слѣдуетъ воспользоваться для того, чтобы внести въ проектъ измѣненія, предназначаемыя и для нашихъ окраинъ. Если будущее уложеніе не предполагается къ распространенію на окраины, то это значитъ, что прочное сліяніе окраинъ съ Имперіей отлагается по меньшей мѣрѣ на цѣлое столѣ-

СПбГУ

тіе, потому что, какъ показываетъ исторія европейскихъ кодексовъ, уложенія живутъ цѣлыя столѣтія. Могутъ возразить, что будущее уложеніе можетъ быть постепенно распространено и на окраины; но вѣдь такое распространеніе готоваго уже закона потребуетъ упраздненія мѣстныхъ кодексовъ и приспособленія уложенія къ мѣстнымъ особенностямъ, т. е. новой перестройки законодательнаго сооруженія. Не проще-ли теперь-же приступить къ работѣ, въ результатѣ которой получилось-бы стройное зданіе, возводимое изъ матеріаловъ, общихъ всему населенію Имперіи? Не чувство торжества побѣдителей, не національная исключительность, не зависть къ „высшей культурѣ“ требуютъ объединенія всѣхъ дѣйствующихъ въ Имперіи гражданскихъ законовъ, но сознаніе общности юридическихъ понятій, стремленіе къ органическому сплоченію всѣхъ областей Имперіи, объединенныхъ въ отношеніи административ-

номъ и судебномъ, по чуждыхъ по языку, вѣроисповѣданію и *праву*.

Требованіе объединенія гражданскихъ законовъ отодвигаетъ изданіе уложенія; но вѣдь Россія ожидаетъ уложенія болѣе двухъ столѣтій: что значитъ еще нѣсколько лѣтъ, если въ результатѣ переработки проекта, со включеніемъ въ него всего того, что дѣлало-бы его удобопріемлемымъ для всѣхъ частей Имперіи, получится единый гражданскій законъ, стоящій на высотѣ современной науки права, отвѣчающій на запросы всего населенія Имперіи?

Слово